

**О происхождении человека: (разбор теории
Васманна)
профессор Сергей Сергеевич Глаголев**

Введение. Взгляд Васманна на происхождение человека

Судьба многих научных теорий является блестящим подтверждением учения Гегеля о диалектическом процессе. Когда я впервые читал книги об электричестве (в семинарии, где я обучался, электричества не проходили), я встречал везде ясно выраженное положение, что электрическая энергия находится в проводниках. Когда потом я слушал курс физики в московском университете, проф. Столетов, руководясь главным образом Жубером, развивал перед слушателями теорию, что электрическая энергия находится вне проводников и что мы называем проводниками то, что на самом деле абсолютно непроницаемо для электричества. В книгах об электричестве, выходящих теперь, обыкновенно утверждается, что электричество находится везде, сама материя имеет электрическую природу и среда представляет собою электрическое поле. На этом примере мы можем видеть, как идея приблизительно в течении четверти века прошла три фазы диалектического процесса. Сначала – тезис, утверждение: электричество находится в проводниках, затем – антитезис, отрицание: электричества нет в проводниках. Наконец – синтезис, так сказать, соглашение: электричество находится, отчасти в проводниках, отчасти вне их. Можно привести много примеров, иллюстрирующих теорию Гегеля. Но в этом для нас нет нужды. Поучительнее для нас сопоставить взгляды Гегеля с суждением Агассица об отношении научных теорий к религии и морали. По Агассицу, история этих отношений обыкновенно тоже проходит три фазы. Когда является новое учение, о нем по Агассицу говорят: "это противно религии и нравственности». Такова первая фаза. Во вторую фазу ничего не говорят. В третьей фазе, когда случится, что эту научную теорию станут развивать перед представителями религии и морали, последние заявляют: "это давно всем известно». Так Агассиц, как и Гегель, в конце концов приходит к синтезису.

Более двадцати лет тому назад русский дарвинист Тимирязев в своей публичной лекции „опровергнут ли дарвинизм?» высказал предположение, что конфликт между богословием и дарвинизмом уладится, как уладились конфликты богословия с астрономией и геологией. Я лично никогда не допускал и не допускаю мысли, чтобы Дарвина можно было согласить с Евангелием. Но я должен сознаться, что в некотором смысле пророчество московского ботаника стало

осуществляться. И у нас на Руси имеются люди, которые пытаются соглашать свои дарвинистические убеждения с православной верой. И в католическом мире явились ученые, готовые допустить в некоторой мере происхождение человека от животных типов. Что касается до русских опытов соглашения, то для них самое лучшее, если их не будут рассматривать. Этого нельзя сказать о католических опытах. Там вопрос о признании эволюционной теории выдвигался постепенно и коллективно. Его обсуждали люди компетентные и в богословии, и в зоологии. Там старались не упустить из виду ни естественнонаучных, ни богословских трудностей проблемы. Капитальной работой посвященной вопросу является в настоящее время книга иезуитского патера Васманна – *Die moderne Biologie und die Entwicklungstheorie* (Dritte Auflage, Herder, 1906). Васманн – зоолог по специальности, он известен своими работами по энтомологии (например, о *Dinarda*, о психических способностях муравьев). Идеи Васманна нашли себе сочувствие у французских католиков и *Revue pratique d'apologétique* посвятило несколько статей обсуждению их с богословской точки зрения. По-видимому, они произвели впечатление и на некоторых людей свободомыслящих. Так Мориц Гёрнес в своем обширном двухтомном труде „*Natur-und Urgeschichte des Menschen* (Wien und Leipzig. 1909)» при обсуждении вопроса о происхождении человека пытается привлечь на сторону теории эволюции блаженного Августина, очевидно пользуясь книгой Васманна. Но за всем тем, допуская возможность уступок со своей стороны для теории эволюции, Васманн не добился того, чтобы противники христианства во имя теории эволюции с их стороны допустили возможность уступок христианству. В 1907 г. Васманн вел об этом публичные дебаты в Берлине, которые потом и опубликовал в своей книжке „*Der Kampf um das Entwicklungsproblem in Berlin* (Freiburg im Breisgau, 1907)“. Его речи, в которых было много основательного и которые были ясны и просты, оказались безусловно недоступными пониманию последователей Дарвина и Геккеля. Как будто вместе с дарвинистическими и геккелевскими теориями им сообщился какой-то умственный дальтонизм, делающий их не восприимчивыми ко многому в умственной и ко всему в религиозной сфере. Думается, что этот дальтонизм может исчезнуть у некоторых (у многих он будет существовать всегда) лишь тогда, когда дарвинизм и геккелизм сделаются достоянием истории. Васманн как будто готов смотреть иначе.

Изложим и потом попытаемся оценить его воззрения.

1. Постановка вопроса о происхождении человека, по Васманну.

Теория происхождения животных и растительных видов путем эволюции естественно вызывает вопрос: может ли происхождение человека быть изъято из общего закона? и очень многие ученые отвечают, что такое изъятие не может быть допущено, что животное происхождение человека очевидно. Это утверждение, говорит Васманн, покоится на двух молчаливых предположениях, 1) что зоология есть единственная наука, решающая вопрос о происхождении человека и 2) что животное происхождение человека фактически уже доказано зоологией. Оба эти предположения нужно исследовать.

Решить вопрос о происхождении человека значит решить вопрос не только о происхождении его тела, но и вопрос о происхождении его души. Кроме зоологии, следовательно, к обсуждению вопроса должна быть привлечена психология. Сравнение нашей духовной жизни с проявлениями душевной жизни животных показывает между ними безконечное различие. У животных нет способности абстракций и поэтому нет и свободы воли, у них нет разумного способа выражения ощущений и чувств в форме языка, вместе с отсутствием разума у них исчезает возможность науки, религии, морали. Один только человек владеет чувственно-разумной душой, которая существенно отлична от просто чувственной души животных.

Сторонники зоологической точки зрения чрезвычайно просто и смело решают вопрос о происхождении душевных свойств человека. То особенное, что заключается в человеческом духе, по их теории, в зачаточном состоянии имеется у животных и развилось из этих психических зародышей животных. По поводу этого взгляда Васманн приводит рассуждение Карла Эрнеста Бэра. „Пусть кто-нибудь слышит играющий рог, может быть припоминает мелодию, но естественно он не может допустить, чтобы рог играл сам собою. Тогда ему говорит червь, находившийся внутри рога, когда последний начал играть – „Мелодия? Глупый инструмент! Я сильно почувствовал ужасный порыв ветра, выбросивший меня из рога.“ Но паук, который сидел на рогу, заявляет: „никакой мелодии, никакого бурного ветра, в рогу возникли колебания то быстрее, то медленнее, которые я явственно чувствовал«. Оба – и червь, и паук – правы со своей точки зрения, но оба они совершенно не владели чувством мелодии. Представим себе теперь далее, что какой-нибудь

путешественник во внутренности Африки потерял нотную тетрадь. Бушмен находит ее и усматривает в ней просто связку сухих листьев. Обращавшийся с европейцами готтентот – признает в ней бумагу, европейский колонист – записную книжку. Музыкально образованный человек находит в ней увертюру Моцарта к „Волшебной флейте» или симфонию Бетховена». „Так, говорит Бэр, происходит с исследованием духовного». „Кто не имеет склонности и способности к исследованию духовного, тот пусть его и не исследует; только пусть он и не берется судить о нем, а довольствуется знанием своего „я». Да, натуралист имеет право остановиться перед границами духовного, потому что здесь прекращается верный путь его исследований, и его надежные руководители – масштаб, весы и внешние чувства – оставляют его. Но он не имеет права сказать: так как я здесь ничего не вижу и ничего не могу измерить, то здесь ничего и не может быть, или: только телесное, измеримое имеет действительное существование, так называемые духовные явления возникают из телесных, являются их свойством или атрибутом. В последнем случае он судил бы как готтентот, который хорошо видел линии и точки, но не видел никакой музыки, или как ученый паук, который вычислял вибрации рога, но не слышал никакой мелодии».

Так как, говорит Васманн, душа человеческая разумна и поэтому отличается от души животных не по степени, а по существу, то она могла явиться только вследствие творческого акта, а не путем развития, вот почему такой выдающийся представитель дарвинизма, как Альфред Россель Уоллес, высказался против возможности духовного развития человека из животного царства. Но душа и тело человека представляют одно существо, вследствие этого весь человек занимает исключительное место в природе. Отсюда с философской точки зрения нельзя ничего возразить против предположения, что происхождение человека обязано творческому акту.

Человек становится человеком по причине своей разумной души, и поэтому создание первого человека произошло, когда была создана его разумная душа и соединена с „телом из земли». Мы можем спокойно допустить, что Бог при этом акте соединения пользовался материей, естественными причинами подготовленной к такому акту. По-видимому, это допускал Августин. Мы представляем нашим атеистическим противникам рисовать себе Бога, как горшечника в человеческом образе, вылепляющего тело Адама из глины и потом вдыхающего душу в его лицо. Этот антропоморфный способ представления уже Августин обозначил, как

nimum puerilis cogitatio (слишком детский способ понимания). Мы хорошо знаем, что способ выражения священного Писания нужно рассматривать как образный, но мы не знаем, какими свойствами обладала та материя, которую Бог употребил в творческом акте для соединения с первой человеческой душой. В понятие творения нет необходимости заключать мысль, что весь человек был непосредственно создан Богом. Тело и душа могли быть созданы различным образом, первое – посредственно, вторая – непосредственно. Относительно творения человеческого тела достаточно допустить, что его атомы первоначально созданы Богом и что законы, по которым из этих атомов образовалось человеческое тело, первоначально были заложены в материю всемогуществом Творца. Поэтому мы и теперь можем сказать с полным правом о каждом отдельном человеке, что он есть всецело создание Божие, как по душе, так и по телу, хотя непосредственно создана только душа, а тело образовалось естественным образом из зародышевых родительских клеточек.

Относительно создания человека Васманну представляются две возможности: или Бог прямо создал всего человека в совершенном состоянии, или Бог при возведении к бытию первого человека, как и при образовании прочих естественных существ, пользовался естественными факторами, насколько они могли содействовать происхождению первого человека. В последнем смысле Васманн, опираясь на авторитет и руководство Кнабенбауера (S. J.), толкует воззрения блаженного Августина. Вопрос о сотворении человека Августин обсуждает в трактате *De Genesi ad literam. L. 1* (Migne, Patrol. lat. XXXIV).

Божественная деятельность при образовании человеческого тела отличается ли от той, которой были образованы тела животных? Книга Бытия, по-видимому, утверждает это различие, представляя, что животные явились по божественному приказанию, по Его слову, между тем как человек был прямо образован Им. Но, говорит Августин, здесь нет действительного различия. Бог сотворил человека, как и мир, своим словом, которым сотворено все (Иоан.1:3). Но как Его слово, Его мудрость и Его могущество на самом деле одно и то же, так и Его рука не есть видимый член, но обозначает собой способность творить. Человек отличается от животных не тем, что его тело создано особенным образом, а тем, что он создан по образу Божию.

И, кроме того, некоторые места священного текста, по-видимому, уничтожают то различие, которое подсказывается первой главой книги Бытия. О животных, отмечает Августин, точно также говорится, что они

образованы из земли. „Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел (их) к человеку, чтобы видеть, как он назовет их“ (Быт.2:19 Васманн пользуется здесь не вульгатой, а текстом LXX).

Наконец, по-видимому, из трактата Августина можно извлечь более определенный аргумент в пользу распространения теории эволюции на человеческое тело. Правда, мысль Августина здесь довольно темна и не допускает бесспорного толкования. По воззрениям его мир был сотворен мгновенно, но не так, чтобы все роды бытия – органического и неорганического – с первого мгновения явились в состоянии того совершенства, к которому были предназначены, не так в частности, чтобы человек жил с первого момента возникновения мира. Нет, утверждая мгновенное создание мира, Августин хочет сказать, что материя с первого мгновения была наделена такой силой, что различные типы существ и человеческое тело без нового вмешательства Творца сами должны были образоваться из нее во время, от начала predetermined Богом. Это – знаменитая теория семенных причин. Создание разумной души стоит вне процесса, производимого этими причинами.

Как католик, Васманн хочет найти опору для распространения теории эволюции на происхождение человеческого тела в величайшем католическом авторитете – Фоме аквинском (*Summa theolog.* 1, q. 118, a. 2 ad 2; *contra gentes* 1. 2, c. 89; *De potent* q. 3, a. 9). Фома развивал теорию о трех типах души. Есть душа растительная, есть душа чувственно-растительная и, наконец, есть душа разумная. Человек в его эмбриональном состоянии сначала владеет лишь душой растительной, т. е. душой, не имеющей ощущений, только обуславливающей органическую жизнь. Во второй стадии развития у человека является животная душа и, наконец, в третьей стадии он приобретает душу разумную. У Фомы аквинского эта речь о трех душах имеет в виду каждого человека. Васманн находит возможным приложить эту теорию к истории человечества. Сначала был некоторый род организмов, живший только растительной жизнью, потом из них вышел род, обладавший животной душой; далее, этот род развился в такую форму, в какую Бог вложил разумную душу. Человек стал человеком по этому предположению только в момент создания разумной души. Но и в предшествующих стадиях он никогда не был просто растением или просто животным, но уже был человеком в процессе становления, потому что, как в индивидуальном развитии конечная форма представляется как *forma specifica*, определяющая собою сущность всего процесса развития, так это должно быть и в

гипотетическом развитии рода. Все развитие человека происходило бы тогда в одном и том же роде „человек», хотя естественно-научная систематика и классифицировала бы предшественников человека, как особые виды, роды и т. д. При таком способе происхождения человеческого тела достоинство человека сохранилось бы не менее, чем при допущении прямого образования его из неорганической материи. Иначе было бы несогласно с достоинством человека то, что его тело и теперь образуется через развитие семени из оплодотворенной яйцеклетки. Но всем этим соображениям Васманн придает лишь чисто спекулятивное значение, потому что между теоретической возможностью и фактической действительностью подобного способа происхождения остается целая бездна.

Васманн резюмирует все предшествующее разсуждение таким образом.

Зоология с правом может рассматривать человека по его телесной стороне, как высшего представителя класса млекопитающих. То же самое имеет значение относительно развития человека из семени, совершающегося аналогично с развитием других млекопитающих. Точно также в развитии чувственных способностей душевной жизни человек является высшим представителем рода млекопитающих, потому что его мозг организован совершеннее и развит выше, чем мозг остальных представителей класса. До этого пункта зоология и примыкающая к ней сравнительная физиология нервной системы вполне компетентны. Философия может прибавить, что рассматриваемое само в себе происхождение человеческого тела согласно теории развития нельзя считать невозможным. Но зоология с ее вспомогательными науками совершенно некомпетентна в вопросе, какую природу и какое происхождение имеет разумная человеческая душа, потому что этот вопрос лежит вне рамок зоологического исследования. Из этого следует, что зоология некомпетентна в вопросе о происхождении всего человека, как такового. Ее компетентность ограничивается соматической стороной вопроса и здесь она не может дать решительного суждения, потому что душа и тело в человеке соединены в одну субстанцию. Вопрос о происхождении человека оказывается смешанным. При ответе на него первое место принадлежит психологии, так как она занимается высшей стороной человека, между тем как зоологии и ее вспомогательным наукам принадлежит лишь второй голос, так как ее приговор может касаться только низшей стороны человека. Психология говорит нам: высшая сторона человека не может иметь животного происхождения. Тогда для

зоологии и ее побочных ветвей остается дать ответ на вопрос: можно ли, не смотря на это, допустить животное происхождение для низшей стороны человеческого существа?

2. Критика Васманном естественно-научных оснований эволюционного происхождения человека

Васманн обсуждает зоологическую сторону вопроса о происхождении человека. Спрашивается, как обстоит дело с фактическими доказательствами телесного происхождения человека от животных предков? И Васманн отвечает: очень плохо, крайне неудовлетворительно.

Дарвинисты рассуждают иначе. Видерегейм в 1887 г. выпустил книгу *Der Bau des Menschen als Zeugnis für seine Vergangenheit* (строение человека, как свидетельство о его прошлом) и в 1902 г. вышло ее третье издание. Если поверить Видерегейму, то человек настоящего – только мозаический образ, составленный из животноподобных частей и рудиментарных органов, которые он наследовал от своих высокоблагородных предков. В человеческом теле не оказывается органа, который по Видерегейму не свидетельствовал бы о животном происхождении человека. До мельчайших штрихов он описывает нечеловеческого предшественника человека. Он знает, каков был у того волосяной покров, какова была его кожная мускулатура, как велики были его двигающиеся ушные раковины; он знает, что наши глаза смотрели тогда не вперед, но помещались по бокам головы и что для восполнения этого их недостатка существовал еще третий глаз на верхней части головы, который мы теперь называем шишковидной железой. Видерегейм нашел и вымерил, что кишечный канал у дочеловеческих предков был гораздо длиннее, чем в настоящее время, и был приспособлен исключительно к перевариванию растительной пищи. Следя за судьбами своего протезе, Видерегейм представляет, как из травоядного он превратился во всеядного и большое число его резцов стало коренными зубами, он стал плотоядным и его кишечный канал укоротился соответствующим образом. Прежде чем рука человека научилась размахивать каменным топором, его оружием было умение кусаться, причем его чудовищные клыки являлись естественными кинжалами. Вместе с этим у предшественника человека развились громадные гортанные мешки, которые сообщили его голосу страшную мощь и силу, и сделали его средством возбуждающим ужас во врагах. Так подробно – черта за чертой – описывает Видерегейм своих или его предков. Гаманн и Ранке („Человек», имеется в русском переводе) показали полную фантастичность этого описания.

Фриц Мюллер установил и Эрнест Геккель потом развил основной биогенетический закон, согласно которому индивидуум в своем эмбриональном развитии проходит в быстром последовательном ряде все те ступени, которые его предки прошли в своей родовой истории. Онтогенез отражает в себе филогенез. Индивидуальное развитие отражает в себе историю рода. Руководясь этим принципом, Геккель написал антропогенез. Одноклеточная стадия человеческого яйца есть повторение жизни одноклеточных монер и амёб (монеры представляют собой лишь кусок протоплазмы, у амёбы в протоплазме имеется ядро), дальнейшие стадии отражают в себе жизнь зинамебий (несколькоклеточных организмов), планеад (мерцающих существ, снабженных ртом), гастрей, представлявших собой кишечный канал с двумя отверстиями – для приема пищи и ее удаления. Далее человеческий зародыш воспроизводит собой архемнитеса – первочервя (организм с первыми следами нервной системы), потом он воспроизводит тип мягких червей (с кровью и внутренними полостями), после этого он воспроизводит тип своих предков хорданий (организмов, снабженных спинной мозговой струной). Хордониями оканчивается ряд безпозвоночных предков человека. Эмбриология показывает, что далее предками человека были безчерепные, представителями которых в настоящее время является ланцетик (*amphioxus lanceolatus*), непарноногие (из ныне живущих организмов к ним наиболее близки круглоротые рыбы), зелахии (сходны с теперешними косоротыми), дипневты (плавательный пузырь у них стал преобразовываться в легкие), зоцобранхии (имевшие легкие и жабры), зоцурсы (сначала имевшие жабры, но потом их терявшие, как теперешние лягушки), протамнии-первоамниоты (представлявшие собой промежуточное звено между саламандрами и ящерицами). После этого, поучает нас эмбриология, освещенная биогенетическим законом Геккеля, предки наши приблизились к типу млекопитающих. Сначала явились проаммалии – первомлекопитающие (приближающиеся к теперешним птицеобразным – к утконосу), от них произошли сумчатые, от сумчатых – полуобезьяны, от полуобезьян – хвостатые обезьяны. За ними последовали человекообразные обезьяны, обезьяноподобные люди и, наконец, явился *homo sapiens*.

Если бы биогенетический закон существовал действительно, то и тогда приложение его к человеку, по мысли Васманна, было бы произвольным; но существует ли на самом деле этот закон? Представляет ли индивидуальное развитие каждого существа только сокращенное повторение его родовой истории? Нет, исключения из этого закона гораздо

многочисленнее, чем осуществление предполагаемого правила. Большая часть стадий индивидуального развития не согласуется с гипотетическими ступенями развития родового. Геккель не совсем забыл об этом, но он вздумал спасти свою теорию, признав два различных элемента в истории индивидуального развития – палингенезию (πάλιν-γένεσις), воспроизводящую родовое развитие, и кеногенезию (χανή-γένεσις), представляющую отступления от родовой истории. Эта кеногенезия является по Геккелю каким-то обманным элементом в истории развития, допускаемым природой под давлением требований приспособления, которому подчинены семена различных организмов. Но, конечно, говорить Васманн, не природа лжесвидетельствует о своих законах, а эти мнимые законы являются ложью их тенденциозного изобретателя.

На самом деле каждым индивидуальным развитием управляют три следующие фактора. Во 1) общие законы органического роста (созревание, кариокинезис – процесс состоящий в разделении ядра и клетки и перераспределении ее элементов, имеющий своим следствием образование из одной клетки двух, деление клеток). Во 2) специальные пути, которыми определяется рост организма, обуславливаемые его происхождением, т. е. наследственностью. В 3) специальные пути для роста организма, обуславливаемые приспособлением организма к внешним влияниям и равно потом фиксируемые наследственностью. Биогенетический закон есть искусственно изолированный от других второй из этих факторов и провозглашенный независимым законом. Неосновательность этой претензии была указываемая неоднократно. Васманн указывает в подтверждение этого на работу J. Reinke-Studien zur vergleichenden Entwicklungsgeschichte der Laminariaceen. Ламинариации – бурые водоросли, обитающие в холодных и умеренных морях, развитие их Рейнке противопоставляет требованиям биогенетического закона.

Васманн не отрицает того, что развитие человеческого зародыша представляет некоторое неопределенное сходство с известными стадиями животной жизни, но он считает это понятным само собой, так как развитие семени по его внутренней природе и по законам роста необходимо должно идти от простого к сложному, от общего к частному. Исходным началом развития организма должна быть одноклеточная стадия и затем зародыш должен проходить различные многоклеточные стадии, постепенно приближающие его к конечной цели развития. Развитие эмбриона в различные моменты должно иметь различные степени совершенства, пока не будет достигнута цель развития. Все эти изменения в развитии могли бы следовать также, если и не предполагать

никакой истории развития. Как же можно утверждать вместе с Геккелем, что развитие человеческого зародыша есть очевидная рекапитуляция его родовой истории? Это просто фантазия.

В индивидуальном развитии некоторых животных есть стадии, которые на самом деле могут быть объясняемы лишь как результат родовой истории. Так в индивидуальном развитии придатков брюшка *Termitoxenia*, принадлежащих к роду термитофильных двукрылых, замечается появление действительных крыльевых жилок, которые объясняются тем, что предки *Termitoxenia* были действительными двукрылыми. Подобные примеры, только очень редко, можно находить и у высших животных. Кюкенталь сделал интересное открытие, что некоторые виды китов в эмбриональном состоянии владеют зубами, а во взрослом их лишены. С другой стороны палеонтологические находки показывают, что древнейшие ископаемые киты третичного периода владели зубами. Мы отсюда не только в праве, но обязаны заключать, что данный род китов произошел от зубастых и теперешние эмбриональные зубы их есть только напоминание их родовой истории, не имеющие никакой особенной биологической цели, так как эмбрионы китов также мало могут жевать, как и эмбрионы других млекопитающих. Если бы подобные стадии можно было указать в человеческом развитии, это действительно представляло бы некоторое доказательство вероятности происхождения человека по телу от животных предков. Но доселе подобных явлений не замечено в человеке. Указывают, что в эмбриональном состоянии человек на некоторой стадии имеет подобие плавников и жабр, но эти образования играют важную роль в эмбриональной жизни человека и, следовательно, имеют прямое назначение без того, чтобы мы строили гипотезу о существовании у нас предков с плавниками и жабрами. Если взять род *Lernaea* – паразитирующих на раках веслоногих, то факт, что в юном состоянии они имеют вид личинок головоногих, между тем как выросшая самка преобразуется в колбасообразный яичный мешок, подсказывает вывод, что паразитический род *Lernaea* произошел от некогда свободно живших веслоногих, изменившихся впоследствии по причине приспособления к паразитическому образу жизни. Но таких несомненно филогенетических явлений в истории развития человека нет.

Теперь имеются две главные теории животного происхождения человека. Одна из них представляет собой лишь дальнейшее развитие обезьяней теории Карла Фогта. Ею принимается непосредственное, прямое родство человека с человекообразными обезьянами, так называемыми приматами. Так, например, Фриденвальд объявляет, что

человек есть настоящая обезьяна. Другая теория, напротив, исключает возможность прямого родства человека с нынешними обезьянами, она допускает косвенное, отдаленное родство обоих, выводя их из общей гипотетической родовой формы, которая должна была существовать в древнетретичное или даже дотретичное время.

Васманн останавливается на двух новых доводах в пользу первой теории. Селенка открыл, что высшие обезьяны подобно человеку в эмбриональном состоянии владеют дискоидальной плацентой, между тем как у низших обезьян плацента бидискоидальная. Плаценты нет у низших млекопитающих – монотремата – однопроходных и она имеется лишь по исключению и в весьма несовершенном виде у сумчатых так, что высшие млекопитающие противопоставляются этим обоим подклассам, как плацентарные. Но с другой стороны плацента существует у некоторых акул и даже у членистоногих, именно, у американского *peripatus* и у индийского скорпиона, что утверждает Полянский. Если по плаценте судить о родстве, то плацентарные млекопитающие, во главе которых стоит человек, должны иметь своим предком индийского скорпиона.

Ганс Фриденталь полагает, что он открыл прямое родство крови человека и приматов. По опытам Фриденталю, опытам, нужно заметить, далеко неполным и несвободным от возражений, человеческая кровь действовала как растворяющее начало на кровяные шарики павианов, но не действовала так на кровь приматов. Опытов было произведено пока немного и они давали неоднобразные результаты. Так кровяная сыворотка павианов в некоторых случаях растворяла красные шарики человеческой крови, в некоторых – нет. Не вполне выяснено еще – безусловно ли кровяная сыворотка человека не растворяет красные шарики крови приматов?

Но если это и будет установлено, то отсюда следует только, что человеческая кровь имеет некоторые общие химические свойства с кровью человекообразных обезьян и что этих свойств нет у павианов и других позвоночных. Но нельзя смешивать сходство химических свойств с тождеством происхождения. По собственным опытам Фриденталю кровь некоторых ракообразных (*cancer pagurus*) или трубчатых червей (*Arenicola piscatorum*) не растворяет кровяных шариков серебряистой чайки или крыс. Но отсюда безусловно нельзя делать вывода, что крысы происходят от трубчатых червей или серебряистые чайки от ракообразных. Нельзя также из этого факта выводить происхождение человека от орангутанга. Можно ведь аргументировать и так: кровь ракообразных и трубчатых червей не растворяет кровяных шариков чайки и крыс, раки и черви неродственны

чайкам и крысам. Кровь человека не растворяет кровяных шариков орангутанга, следовательно, они неродственны между собой. Но если можно делать выводы и так, и наоборот, то ясно, что эти выводы имеют очень малую ценность.

Новейшие ультрамикроскопические исследования, по-видимому, доказывают резкое различие между человеческой кровью и всяким видом крови животной. Наконец, по опытам Брумпта сонная болезнь, причиняемая паразитом, живущим в крови, может быть привита всем млекопитающим за исключением обезьяны и свиньи. Можно ли отсюда делать вывод, что эти животные более далеки от человека, чем другие млекопитающие?

Обезьянью теорию подрывает другая теория, которую Васманн считает более допустимой. Согласно этой теории человек и обезьяны являются конечными членами двух независимых родов развития, которые только в своем корне восходят к общей родовой форме, существовавшей вероятно в третичное или даже дотретичное время. Представителем этой теории является гейдельбергский профессор Клаатш. Эта теория выходит из того, что образование тела человека и обезьян обнаруживает два различных направления эволюции млекопитающих, направлений сильно расходящихся в их конечном результате. В некотором отношении обезьяны даже как будто бы превзошли человека: рука человека скорее напоминает руку полуобезьян, чем руку антропоидов, и человеческая нога особенным положением своего большого пальца резко отличается от хватательной ноги обезьян. Совершеннейшее развитие мозга и обусловленный им вертикальный ход, связанный далее с соответствующими особенностями в строении конечностей, вот – главные моменты, которые должны быть приняты во внимание при обсуждении вопроса и которые приводят к заключению, что человек телесно – с чисто зоологической точки зрения – должен быть рассматриваем, как представитель особого порядка млекопитающих. В этом отношении и только в этом Васманн находит допустимым тезис Морица Альсберга (в сочинении *Die Abstammung des Menschen*. 1902), что "вообще немислимо допустить происхождение человека от обезьяны и что о родственных отношениях между человеком и обезьяной можно говорить лишь, поскольку оба соединяются в корне общего родословного дерева, которое, в конце концов, одно и то же для всех млекопитающих".

Но эта теория вызывает много возражений.

Во-первых. Гипотетическая родовая форма человека и обезьян, жившая в древне-третичное или дотретичное время, есть лишь простой

продукт творческого воображения. Свойства, приписываемые этой форме так неопределенны, спутанны, частью противоречивы, что этого предка людей и обезьян можно считать просто за *universale a parte*, не способного к реальному существованию. Ранке на антропологическом конгрессе в Линдау 1899 г. сказал об этом предке, созданном воображением Клаатша, это – фантазия, а не наука.

Во-вторых. В вопросе о происхождении человека учит не только сравнительная морфология, но решительное слово принадлежит палеонтологии. У этой последней науки мы должны осведомиться, что она может сообщить о предках человека на основании своих ископаемых памятников. И чем далее в раннейшие периоды земной истории отодвигаем мы общую родовую форму человека и теперешних обезьян, тем более палеонтология должна нам показать промежуточных звеньев между этой родовой формой и ныне живущими крайними представителями обоих родов. В уста палеонтологии Васманн влагает такой ответ. Мы знаем очень богатое видами родословное дерево теперешних обезьян, идущее от древнейшего третичного периода до настоящего времени, *Grundzüge der Paläontologie* насчитывают не менее 30 родов ископаемых обезьян и 18 родов обезьян на протяжении от эоцена до диллювиального времени, но между предполагаемой родовой формой и теперешним человеком не найдено никакого промежуточного звена. Вся гипотетическая родословная человека не знает ни одного ископаемого рода, ни одного ископаемого вида.

Представляют отдельные доказательства животного происхождения человека. На первом месте здесь поставляется *Pithecantropus erectus* из Явы. Нашедший его Дюбуа полагает, что он не человек и не обезьяна, но промежуточное звено между ними. Вирхов на лейденском конгрессе 1895 г., где он был почетным президентом, выяснил, что нельзя с уверенностью утверждать, будто найденные кости принадлежат одному индивидууму и что еще менее можно решить – был ли этот индивидуум человеком или обезьяной: бедренная кость говорит как будто за человека, черепная крышка – за обезьяну. Только в случае если бы был найден полный скелет *Pithecantropus* можно бы было произнести решительное суждение о его положении в зоологической систематике. Это разсуждение Вирхова сохраняет всю свою силу донныне.

К этому должно прибавить следующее. Яванский питекантроп жил, по-видимому, или в древне-диллювиальный или в новейший третичный период, но по теории человек и обезьяны должны были разойтись раньше. Затем питекантроп по некоторым своим свойствам действительно

представляет как бы промежуточное звено между человеком и обезьяной, но по другим свойствам он является как бы промежуточным звеном между высшими и низшими обезьянами настоящего времени. На это обратил внимание профессор Швальбе, сам заинтересованный в отыскании доказательств животного происхождения человека. Теперь больше склоняются к тому, чтобы видеть в питекантропе боковую ветвь рода обезьян. Его нужно помещать не в ряду предков человека, а в ряду предков современных обезьян. Рихард Гертвиг склоняется к выводу, что скорее всего останки Яванского скелета принадлежат вымершей гиббонообразной обезьяне, отличающейся от современных необыкновенной величиной и громадной емкостью черепа, заставляющей предполагать относительно большой мозг. Точно также Макнамара пришел к заключению, что питекантроп есть чистая обезьяна большой величины. Он при помощи методов измерения Швальбе произвел сравнение Яванского черепа с черепом шимпанзе. Оказалось, что они различаются между собой почти лишь величиной, но не формой.

Но *Pithecanthropus* не стоит одиноко, в неандертальском человеке он нашел своего юнейшего молочного брата, о котором говорят, что он не должен считаться ни настоящим человеком, ни настоящей обезьяной, но промежуточным звеном между обоими. Честь этого открытия принадлежит страбургскому профессору Швальбе. Гений Швальбе вызывает удивление тем, что ему удалось к одиннадцати существующим мнениям относительно неандертальского человека прибавить двенадцатое. Но ценность этого взгляда колеблется, раз ему противопоставят другие взгляды. Неандертальца считали то идиотом, то монгольским казаком, то древним германцем, древним голландцем, древним фризом, кузеном австралийского негра, примитивным первочеловеком, примитивным обезьяночеловеком. Эта научная судьба остатков неандертальского скелета показывает, что он принадлежит к числу тех много значущих находок, из которых каждый исследователь извлекает то, что ему нравится. Было бы преступно на основании подобных находок заявлять, что теперь найдено связующее звено между обезьяной и человеком.

Затруднительность дела определения неандертальской находки становится еще больше вследствие того, что невозможно определить ее геологический возраст. Рафф подчеркнул, что никакой компетентный исследователь не видел неандертальского скелета в его первоначальном положении. Когда Фюльрот, открывший его, пришел на место находки, рабочие уже вынули глину с костями и поместили у подножия скалы. Уже Вирхов отметил, что никто не видел – помещались ли кости в

дильювиальной глине. А вся слава неандертальского черепа обуславливалась тем, что о нем сначала утвердилось мнение, будто он лежал в дильювиальной глине, которая образовалась ко времени древних млекопитающих. Знаменитый неандерталец мог быть гораздо новейшего происхождения, чем дильювиальная глина пещеры, в которой лежал: он мог быть погребен в ней позднее. С этим падают все утверждения относительно значения черепа для теории развития.

Для полнейшего выяснения взглядов Швальбе на неандертальского человека должно еще заметить, что Швальбе совершенно не допускает прямого родства между питекантропом и неандертальским первочеловеком. Первый представляет собой боковую ветвь рода обезьян, последний – действительного предка современного человека. Клаатш и вместе с ним многие другие антропологи хотят поставить неандертальского человека только в некоторую параллель с питекантропом. Неандертальский человек, по их мнению, будучи представителем первочеловеческой формы, не был ни теперешним человеком, ни теперешней обезьяной, но в некотором отношении он напоминает еще ниже стоящего питекантропа, только принадлежащего совсем к другой ветви. Это воззрение само по себе довольно невинно, хотя то положение Швальбе, что неандерталец не был существом принадлежащим к роду homo, но промежуточное звено между этим родом и гипотетическими животными предшественниками, считаем совершенно неудачным и решительно отвергаем из естественно-научных соображений. Вирхов показал, что теперь некоторые фризцы, будучи людьми в полном смысле слова, имеют череп неандертальской формы.

Мы можем спокойно смотреть на будущее. Если будет установлено, что доисторический скелет из Спи, нолетская челюсть, десять доисторических скелетов найденных около Аграма в Кроации действительно имеют характеристические признаки, принадлежащие неандертальскому черепу, то нам должно будет признать в неандертальце и его современниках не животноподобных предшественников людей, а особую древнюю доисторическую расу. Отступления у этой расы от теперешнего типа homo, именно сильнейшее развитие нижней челюсти, удовлетворительно объясняются приспособлением к условиям тогдашнего существования. Человек вел тогда жестокую борьбу за существование. Его челюсть была нужна ему, чтобы есть свой жесткий хлеб и разгрызать крепчайшие орехи, тогда как у его потомков вследствие более благоприятных условий существования образовалась челюсть нежнее и слабее. Так в неандертальском первочеловеке теория животного

происхождения человечества не нашла ничего.

Теперь Швальбе не говорит уже, что неандерталец – особенный род человека, он видит в нем некоторый особенный вид, называемый *homo primigenius*. Но это выделение людей неандертальского типа в особый вид недопустимо. Это – очень обыкновенный тип, который мы находим теперь в деградировавших человеческих расах, например, у австралийцев. Горячий приверженец Швальбе Макнамара совершенно разрушил его гипотетическую постройку, показав, что у австралийцев и тасманцев имеется та форма черепа, которой, говорят, характеризуется *homo primigenius*.

Когда профессор Бранко, директор геологическо-палеонтологического института берлинского университета держал заключительную речь "Ископаемый человек" на V международном зоологическом конгрессе в Берлине 16 августа 1901 г., его слушатели-зоологи с крайним интересом ожидали воспринять взгляды этого специалиста относительно палеонтологических оснований животного происхождения человека. Питавшие дарвинистические надежды скоро увидели себя разочарованными.

Речь Бранко оказалась направленной против разсуждений Геккеля (26 августа 1898 г. на IV международном зоологическом конгрессе в Кембридже) „о наших настоящих знаниях относительно происхождения человека».

Главное положение речи Бранко формулировалось так: человек является перед нами в земной истории по истине, как *homo novus*, а не как потомок ранних родов. Между тем как большая часть млекопитающих настоящего времени, оказывается, имеет длинные ряды предков в третичное время, человек является прямо и внезапно в дилювиальную эпоху так, что мы ничего не знаем о его третичных предшественниках. Третичного человека нет, а следы его деятельности в третичное время имеют сомнительную природу. Напротив, остатков дилювиального человека много, но дилювиальный человек выступает как совершенный *homo sapiens*. Очень многие из этих древнейших людей владели черепом, которым мог бы гордиться каждый из нас. Они также не имели ни длинных обезьяноподобных рук, ни обезьяноподобных зубов. Нет, дилювиальный человек по всякой оценке был действительным человеком.

Как на единственное исключение из этих фактов Бранко указал на неандертальский череп и на скелет из Спи, но эти исключения, прибавил он, слишком спорной и темной природы так, что они не могут изменить выводов из вышеуказанных фактов. Притом подобные исключения

довольно часто встречаются и теперь, на что обратили внимание Вирхов и Ранке.

Отсюда на вопрос: кто был предком человека, Бранко дает следующий чисто научный ответ: палеонтология ничего не знает об этом, она не знает предков человека. В этом положении заключается квинтэссенция всей бранковской речи.

Но к этому чисто научному содержанию Бранко сделал спекулятивную прибавку, в которой высказал свое личное воззрение, что человек по зоологическим основаниям, между которыми фриденталевское открытие „родства» крови у человека и приматов занимает первое место, должен быть рассматриваем только как высоко развитое животное. Этому ненужно удивляться. Бранко говорил перед зоологами, которые в большей части привыкли судить о человеке чисто зоологически. Во всяком случае приходится отметить противоположность между научным туловищем бранковского реферата и его десцендентно теоретическим хвостом. В первом Бранко говорил как специалист палеонтологии, и пришел к заключению: мы не знаем предков человека; в последнем он, не будучи специалистом, к ослаблению того содержания прибавил: не смотря на это, мы по чисто зоологическим основаниям должны верить в происхождение человека от обезьяны.

Свое рассуждение Васманн заключает так: „наш окончательный приговор о научных доказательствах животного происхождения человека вместе с Ранке мы можем выразить в следующем положении: с достоинством науки согласно лишь одно – сказать, что она ничего не знает о происхождении человека».

3. Богословские соображения Лабоша о первочеловечестве

Хотя Васманн принял тезис, что наука не знает ничего о происхождении человека и хотя нельзя сомневаться в его искренности, однако несомненно он имеет побуждения признавать животное происхождение человеческого тела. Дело в том, что Васманн – сторонник теории эволюционного происхождения видов и сам некоторыми своими работами стремился содействовать обоснованию этой теории. Но эволюционное происхождение человеческого тела тогда подсказывается, как логический вывод из общей теории развития. Если Васманн и не настаивает на таком происхождении решительно, он откровенно допускает его возможность. Возникает вопрос: как при таком допущении нужно представлять историю первочеловечества? Васманн отвечает слишком обще. В выработавшуюся эволюционным путем высшую органическую форму Бог вложил предназначенную к вечному существованию разумную и нравственно свободную душу. Этот короткий ответ вызывает много недоумений. Как на некоторую попытку развеять их, можно смотреть на статью *Le Dogme des dons préternaturels*¹, принадлежащую Л. Лабошу, профессору Догматики в парижской высшей школе католического богословия.

Бог, говорит Лабош, по учению отцов тридентского собора, поставил первого человека в состояние святости и правды, одним словом, в благодатное состояние. В то же время и потому, что человек был поднят до порядка сверхъестественного, Богу было угодно совершенствовать его природу, воздействуя на него не только обыкновенным образом, как на все сотворенное, но еще и способом необыкновенным. Мы не знаем, каков этот способ, но утверждаем, что он существовал.

1) Бог сохранял человека в этой земной жизни неопределенно долгое время, т. е. Он сообщил человеку сверхприродный дар бессмертия или изъятия из смерти.

2) Вследствие особого божественного воздействия происходило также, что человек, сохраняя способность грешит, был сильно укреплен в своей нравственной воле. Поэтому он мог исполнять свой долг с величайшей легкостью. Идея зла, если она и предносилась его духу, не возбуждала страстей его сердца или, по крайней мере, если и происходило легкое возбуждение, нравственная воля препятствовала тому, чтобы оно получило развитие. Так ни воображение, ни чувственные впечатления не

возбуждали безмерно чувственных желаний или, по крайней мере, если какое-нибудь эксцессивное движение проявлялось, нравственная воля непосредственно подавляла его своей могучей силой.

Страсть сердца, когда она особенно сильна и постоянно, как привычка, остается в одном и том же состоянии, вследствие чего она становится силой, способной более или менее легко получить согласие нравственной воли, такая страсть называется похотью. Различают похоть почести или гордость и похоть благ этого мира или любовь к богатствам. Влечения чувств, когда они становятся особенно сильны и постоянно стремятся увлечь за собой волю, называются похотью плоти или чувственностью.

Первый человек всесилием его нравственной воли был изъят от похоти, хотя в нем сохранилась способность грешить и оставалась практическая возможность похоти. Это изъятие было вторым сверхприродным даром.

3) Как вследствие особого божественного воздействия первый человек не испытывал никакого труда в деле управления своими страстями, так он не встречал никаких затруднений при совершении своих внешних дел. Так к изъятию от нравственной скорби, вызываемой грехом, присоединялось в нем изъятие от страдания, вызываемого тяжким усилием. Это – третий сверхприродный дар.

4) К этим трем дарам Творец присоединил еще изъятие от неведения через сообщение Адаму высшего знания о вещах божественных, о мире и человечестве, основателем которого и предстателем пред Богом он был. Размеры этого знания Перрон определяет так: Адам знал все то, что ему было необходимо знать в его положении. Существование такого знания предполагается теми обязанностями, которые Адам должен был выполнять, и обуславливается другими, полученными им, дарами. Гораздо менее ее можно основывать на тех или других текстах (Быт.2:19–20; Прем. Сир.17:5). Вопрос об этом даре ни *explicite*, ни *implicite* не содержится ни в каком соборном определении.

Как высказывалась церковь об этих дарах?

Дар изъятия от смерти, сообщенный первому человеку, есть истина веры, определенная на пленарном карфагенском соборе 418 г., акты которого были одобрены папой Зосимой. Эта доктрина была принята тридентским собором под формой, заимствованной у ап. Павла, что смерть поражает всех людей в наказание за грех, в котором они рождаются, как происходящие от грешного Адама.

Дар изъятия от похоти также есть истина веры, определенная

пленарным карфагенским собором, объявившим согласно ап. Павлу, что грех, т. е. похоть, рассматриваемая, как причина греха Адама и грехов всех его потомков, вошла в мир по вине первого человека.

Изъятие от страдания не определяется *explicite*. Оно должно быть рассматриваемо как истина веры, потому что оно определяется *implicite* по намерению соборных отцов во втором декрете V сессии тридентского собора.

Эти сверхприродные дары должно рассматривать, как блага порядка естественного, данные человеку условно, сообразно с его поднятием к строю сверхприродному. Благодатная жизнь есть как бы заключительный камень божественного дела, реализованного в Адаме. Но если человек разрушил сверхъестественный строй вследствие своей тяжкой вины, то по божественному плану прекратился особенный способ воздействия на человека.

Священное Писание и патристика ясно раскрывают это учение.

Повествование третьей главы книги Бытия не оставляет сомнения, что изъятие от смерти было обеспечено первому человеку. Смерть является здесь наказанием за нарушение положительной заповеди, и текст выясняет, что человек не умер бы, если бы не согрешил. Однако изъятие от смерти не было естественным даром для человека. Напротив, представленный своим собственным силам, человек должен бы был умереть, потому что он только прах и потому что для такого существа естественно обратиться в прах. Безсмертие представляется здесь, как сверхприродный дар, который, если бы человек остался верным, Бог продолжал бы подавать человеку через непрестанное сообщение ему некой чудесной жизни, что символизировалось деревом жизни.

В последующих священных книгах это учение получает капитальную важность. С особенной силой оно развивается в послании к Римлянам, где говорится, что „одним человеком грех вошел в мир и грехом смерть; так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили» (5:12). Из совокупности таких текстов вытекает, что первый человек получил дар изъятия от смерти.

Точно также он получил дар изъятия от похоти. По ап. Павлу, на самом деле, мы все умираем, потому что мы все грешники. Грех, о котором здесь идет речь, не представляет допускаемых нами личных преступлений, но это есть сила греха, т. е. похоти, которую мы все получаем при рождении вследствие того, что мы все согрешили в Адаме. Итак, ап. Павел учит, что преступлением первого человека похоть и грех сразу вошли в мир. Изъятие от смерти представлено на первом плане,

изъятие от похоти – на втором.

Должно отметить, что это учение примыкает к находящемуся в Екклесиасте (7,:30) и премудрости сына Сирахова (17:1–10), где говорится, что Бог дал первому человеку совершенную праведность нравственной воли, т. е. по контексту силу господства над всеми своими страстями.

Основание этого учения должно искать в книге Бытия, где говорится, что первый человек прежде его падения находился в состоянии, которое он не сохранил после греха: нарушение заповеди возбудило в нем похоть плоти (2:25; 3:7–10).

Бытие (3:17–20) учит еще, что после преступления Адам и Ева были осуждены на физические бедствия, обусловленные тяжким пожизненным трудом. Нужно ли заключать отсюда, спрашивает Лагранж, что прежде греха они не трудились? Нет, потому что труд свойственен человеку. Но прежде падения вследствие божественной благодати, которой они пользовались, им все удавалось, все было легко, между тем как после падения, особая Божественная помощь была у них отнята, все стало для них сомнительным и трудным.

Отсутствие физического страдания было лишь одним из элементов их благополучия. Когда они жили в неведении греха, в близости с Богом, они находились в состоянии такого блаженства, которое невозможно представить.

Учение Писания было принято и развито Августином и всеми отцами, которые следовали за ним. Существовало ли это учение в века, предшествовавшие эпохе славного учителя латинской церкви? Этот вопрос позволительно поставить.

В конце II века на западе св. Ириней утверждает в выражениях очень ясных, что первый человек вследствие своего падения потерял дар изъятия от смерти или бессмертия; он прибавляет, что это преимущество могло быть восстановлено лишь через воплощение Сына Божия. Принимая человечество и делая его своим, Сын Божий, как антидот, сообщил ему жизнь (Наег. Lib. III, XIX, 1). Здесь на первом плане идет речь о жизни благодатной, и на втором – о жизни естественной.

Ученик св. Иустина, Тациан, писавший почти в то же время, как и Ириней, учит в своей речи против греков, что человек, созданный бессмертным, вследствие своего греха потерял то преимущество, которое ему дал Бог (Or. adv. Graec. 11; M. P. G. VI, 829).

В III-м веке Тертуллиан поддерживает то же учение в своем сочинении против Маркиона, но особенно он занимается вопросом о происхождении похоти. В трактате De Anima он говорит, что похоть

вошла в мир только вследствие нарушения закона, произведенного первым человеком. Раньше Адам имел плоть чистую (De Anima, 44–41: M. P. L. II, 719). Учение Тертуллиана было принято его учеником Киприаном: оно послужило основанием учения Августина.

В восточной церкви учение отцов, очень бедное по вопросу о благодатном состоянии первого человека, напротив очень богато по вопросу о сверхприродных дарах. В произведениях писателей III века – особенно у Оригена (in Rom. Lib. V, 1. M. P. G. XIV, 1011), в писаниях отцов IV в. – особенно у каппадокийцев: Василия, Григория Назианзина, Григория Нисского – смерть, похоть и страдание, овладевшие Адамом, представляются как следствие греха. Прежде преступления Адам по Божественной особенной благодати был изъят от всех этих бедствий.

Так по Лабошу, св. Писание и Отцы учат о существовании сверхприродных даров у первого человека. Как согласить это учение с современными антропологическими воззрениями на первочеловечество? Разсуждению об этом Лабош посвящает последнюю часть своей статьи. Как и Васманн, он утверждает необоснованность десцендентных теорий. Он принимает, что человечество представляет собой один род, но и один род может происходить или от многих родоначальников, или от одной пары. Взгляды эти значительно различаются между собой. Если принять допускаемую Васманном возможность эволюционного происхождения человеческого тела, то тогда естественнее всего представить, что сразу явился целый человеческий род. Как разобраться в этом? У Лабоша мы не находим ответа на естественно возникающие вопросы. С церковной точки зрения гипотезу Васманна он считает допустимой, но рекомендует сохранять по отношению к ней благоразумное сомнение (un doute prudent).

4. Теории происхождения человека, посредствующие между Библией и дарвинизмом.

Прежде чем католические богословы выступили с заявлением, что возможно допустить эволюционное происхождение тела человека, существовал уже ряд теорий, представлявших в различной мере и степени компромисс между дарвинизмом и Библией. Теории эти не получили развития и распространения, их уже завлакивает мгла забвения, но как ни смотреть на них, в них есть много отдельных ценных мыслей и некоторые, содержащиеся в них, предположения, порой высказанные без всяких оснований, теперь выступают на свет вновь независимо от старых авторов и уже на основании фактов. Поучительно для обсуждения занимающего нас важного вопроса вспомнить некоторые из этих забытых учений.

В ряду различных учений о происхождении человека своеобразное место занимает книжка Снеля, "Die schöpfung des Menschen". Его теория отличается большой оригинальностью и наименьшей известностью. В первый раз сочинение Снеля вышло в 1863 г. В 1887 вышло последнее издание его сочинения под заглавием "Vorlesungen über die Abstammung des Menschen". Aus dem handschriftlichen Nachlasse von Karl Snell ord. Professor der Mathematik und Physik an der Universität Iena herausgegeben von Prof. Dr. Rudolf Seydel. Мы не видели этого посмертного издания, но, судя по библиографическим отзывам о нем, автор не изменил своей теории, а только подтвердил ее некоторыми новыми данными. Автор был и остался дарвинистом, но только на сочинении его кроме влияния доктрины британского натуралиста, опочил дух немецкого идеализма. Он не видит в человеке только игру случая, продукт, созданный эволюционными факторами, он видит в нем результат таинственного развития какого-то зародыша, уже в самом начале своего существования заключавшего в себе нечто разумное и божественное.

Все животные и человек имеют, по Снелю, одного общего прародителя в некоторой первобытной форме, но тем не менее различие, существующее между животными и человеком есть не количественное, а качественное. Над всем живущим на земле человека поднимает его разум – "деятельность всеобщего в его мысли и возможность безусловного в его нравственной воле" (S. 141–142). Разум не является только дальнейшим развитием инстинкта животных: инстинкт слишком ограничен и узок, и

потому из него не мог возникнуть разум. Должно предположить от вечности существующую разумную первооснову, из которой мог развиваться самосознательный и деятельный разум. Разумная человеческая природа могла развиваться только от такого прародителя, который уже сам носил в себе непрерывное разумное начало. От этого прародителя произошло два ряда существ, из которых одни стали рабами тех внешних факторов, которые заправляют развитием всякого чувственно проявляющегося бытия, другие в постепенно развивающейся конкретной форме сделались носителями и органами безконечного. Первый ряд обнимает собой мир животных, ко второму принадлежит человек. Здесь мы видим пример применения маиоратного права. В природе имеет значение право духовного первородства. От первого маиоратного владельца идет ряд первенцев, которые вступают в обладание его преимуществом и его правами и все стоят на одной и той же ступени к жизни. Но младшие сыновья первого маиоратного владельца, как равным образом и следующие поколения, производят другое потомство, не похожее на поколение перворожденных ни по богатству, ни по положению в жизни. Из этого потомства многие члены часто ниспадают на низшие ступени животной лестницы. Люди представляют ряд первенцев; им первый прародитель отдал в наследство маиорат разума. Царство животных составляют те члены потомства, которые произошли от одного общего с ними корня, но которые, будучи лишены представленного первенцу маиората разума, опустились и упали до настоящего своего животного существования.

Многие, наверное, склоняются к мнению, что те создания, которые носили в себе зерно столь великого будущего, с самого первого времени самым своим внешним видом, как непроходимой бездной, отделялись от всех остальных существ, которым суждено влачить столь бедную и жалкую жизнь, как конечный результат их развития. Но на основании всех тех аналогий, которые представляет нам природа, это не должно считать необходимым. Эмбриональные зародыши млекопитающих так сходны, что – за исключением незначительного различия по величине – самый лучший микроскоп и самый тонкий анализ не в состоянии открыть различие между зародышами волка, лошади и человека. Конечно, кто мог бы своим взором проникнуть за пределы чувственного мира в глубочайшие основы сущего, тот пророчески мог бы прозреть будущее этих неразвернувшихся организаций. Кто видел греков в то время их жизни, когда они еще может быть приносили человеческие жертвы, тот едва ли мог различить их от служителей Ваала и Молоха. Но кто мог бы по историческому зародышу

прочитать его духовное будущее, т. е. кто имел бы дар пророчества, тот наверное нашел бы их совершенно различными и усмотрел бы в одних только грубых рабов Молоха, а в других нечто такое, чтобы стать сынами Божиими – Фидиями, Софоклами и Платонами. Точно также и предки человека наверное отличались от предков животных внутренним тонким выражением на своей физиономии, и как из глаз дитяти часто смотрит на нас с удивительным и трогательным глубокомыслием его зарождающаяся душа, так и сокровенная молчаливая тайна человеческой души могла выдать себя во взгляде и выражении первичного организма чем-нибудь понятным, выразительным, глубоким. И если бы дух, проникающий в глубину сущности, мог сквозь глаза этих творений заглянуть в тайники их душ и провидеть печальное искажение и аномалии, которым впоследствии подверглась человеческая природа, кто знает, не изрек ли бы он:

Wie gross var diese Welt gestaltet,
So lang' die Knospe sie noch barg;
Wie wenig auch hat sie entfaltet,
Dies wenige wie klein, wie karg (см. S. 130–134)

Так как и люди, и животные произошли от одного прародителя, в котором объединялись свойства, присущие человеку и животным, то из этого вытекает, что существо, от которого произошли и люди, и животные, не могло быть вполне похоже ни на человека в его настоящем вполне сформированном виде, ни на животных. Оно должно было удержать основные черты того и другого уклада – занимать средину между ними. Нынешняя форма человека не есть "дар природы или Божества», а наследство, доставшееся ему после векового развития без разумно-свободного содействия с его стороны. Этим развитием в значительной мере заправляло психическое начало, живущее в человеке, хотя и не свободно. Мир сновидений и ночная жизнь души играли в этом развитии весьма важную роль (об этом у Снеля говорится в посмертном издании, в главе: *Seilentriebe bauen den Leib und bewirken die Hoherbildung der Gattungeu*). С нашей стороны была бы совершенно напрасной попытка воспроизвести образ первобытного предка, в котором исчезало различие между животным и человеком точно так же, как и ближайших к нему по времени первенцов: мы должны навсегда отказаться от мысли воспроизвести их образ. „Земля в своих глубинах скрывает их останки, и если мы найдем их, то не узнаем.»

Признав таким образом, что нельзя возстановить образ первобытного предка, Снель тем не менее старается набросать несколько черт, по которым можно судить о его наружности. В первый великий период

творения организмов – в период палеозоический, когда еще не было населенных стран, и вся жизнь заключалась в текущих элементах, уже находятся основные черты позвоночных животных, к которым по своей организации принадлежит и человек. Обыкновенно всех позвоночных палеозоического периода называют рыбами, основываясь только на том, что они жили в воде. С современными чешуйчатыми рыбами они не имели ничего общего. Впрочем, в их загадочных странных формах мы не должны искать фигуры маиоратного владельца. Эти формы представляли собой нечто сравнительно установившееся, в них очень заметно выступали черты животного уклада так, что по ним можно было гадать о младших членах фамилии. Замечательно, что в глубочайших древнейших слоях первого периода, мы не находим никаких остатков позвоночных животных.

Весьма вероятно, что те организмы, которым предназначено было совершать свое дальнейшее развитие на суше, во время своей жизни в воде не развились до установившихся и твердых форм, а жили в ней как слабые головастики, и только по мере выхода на воздух и на сушу формировались их части и члены, как в наше время это делается с лягушками. (Это сравнение Снеля навеяно на него, очевидно, прежде существовавшими теориями о происхождении человека от гигантской допотопной лягушки. А эта теория была подсказана создавшим ее отчасти тем обстоятельством, что лягушка есть единственное из животных, имеющее, как и человек, икры). “Таким образом, эти первые позвоночные животные могли исчезнуть и вымереть без малейшего вреда для дальнейших генеалогических родов позвоночных животных. Понятно, что творения с задатками высшего развития должны были трудиться дальше над своей внутренней обработкой, пока не выработали себе прочных форм” (S. 106, 108–110). Таково своеобразное учение Снеля.

От немцев перейдем в Англию. Ляйэль, как и Дарвин, склонился здесь к учению о происхождении человека от обезьяны. В своих "Основах геологии" он говорит об этом неясно, он склоняется к мнению, что человеческий род произошел от одной пары, мнение, которое понятно, не преемлет эволюционной доктрины. Но в сочинении „Геологические доказательства древности человека" он решительно становится на сторону эволюционной теории происхождения человека и высказывает одну мысль, которой нет у Дарвина, и ради которой и следует отметить его взгляд. Дарвин происхождение человека приписывает влиянию бесконечно малых изменений, Ляйэль высказывает мысль о возможности скачков в развитии органического мира. „Мы несогласны с мнением, говорит он, что теория изменчивости и естественного отбора необходимо заставляя нас

принять существование совершенно незаметного перехода от инстинкта высших животных к совершенствующемуся уму человека. Рождение необыкновенного гения от родителей, не показывающих особых умственных способностей, стоящего выше своего века или племени, представляет явление, которое не следует упускать из виду при рассмотрении того, не представляют ли иногда последовательные ступени развития случайных скачков и перерывов в непрерывной в других отношениях цепи изменений».

Третьим (после Дарвина и Ляйэля) английским ученым, предложившим свой взгляд на происхождение человека, является Уоллэс. Уоллэс признает, что человек произошел от животных родоначальников, но только путем не одного естественного, а и искусственного подбора. Естественный подбор сохраняет в борьбе за существование только приспособленнейших, естественный подбор образует и фиксирует только те признаки у животных, которые им полезны. Но при подборе искусственном подбирающее разумное лицо может фиксировать те или иные признаки ради какой-нибудь отдаленной цели. Изучая человека с его физической и психической стороны, Уоллэс приходит к заключению, что в физической и психической организации дикарей находится много такого, что им совершенно не нужно, и что заложено в них ради отдаленных целей. Дикарь, например, владеет мозгом философа, а на самом деле ему нужен мозг немного больше того, который имеет обезьяна. Должно полагать, по Уоллэсу, что большой мозг образован в дикаре ради его будущего цивилизованного состояния, когда он с пользой будет употреблять его. Мягкая, голая, чувствительная кожа, лишенная волос, замечательно совершенное строение рук и ног, чрезвычайно сложное строение гортани, все эти свойства совершенно ненужные, а иногда и вредные для дикарей, понятно, не могли произойти путем естественного подбора. Относительно сферы духовной Уоллэс говорит: "многие из умственных способностей дикаря не имеют никакого приложения ни к отношению его к своим собратиям, ни к улучшению материальной стороны его существования. Понятие о вечности и бесконечности и все чисто отвлеченные представления о форме, числе и гармонии, играющие такую важную роль в жизни цивилизованных племен, находятся совершенно вне круга идей дикаря и не имеют никакого влияния ни на индивидуальность, ни на его племенное существование. Такие свойства, следовательно, не могли развиваться путем сохранения полезных форм мысли, а между тем мы находим случайные следы их и при низкой степени цивилизации и еще в такое время, когда они не могли иметь

никакого практического влияния на благосостояние отдельных особей или семейств и племен Точно также мы не можем объяснить естественным подбором развития нравственного чувства или сознания». Все эти признаки, однако, необходимы человеку для его развития и они были заложены и развиты в нем, по мнению Уоллэса, ради отдаленнейших целей цивилизации. "Я вывожу из этого ряда явлений, говорит он, оканчивая свое разсуждение о происхождении человека (стр. 328–391), то заключение, что некоторое высшее интеллигентное существо давало определенное направление развитию человека, направляло его к специальной цели совершенно так, как человек руководит развитием многих животных и растительных форм. Законы развития сами по себе, может быть, никогда не произвели бы зерна столь хорошо приноворожденного к нуждам человека, как пшеница или маис, не произвели бы таких плодов, как, безсеменные бананы и плоды хлебного дерева, или таких животных, как гернейские дойные коровы и лондонские ломовые лошади. Но все приведенные формы так похожи на те, которые произведены природой без вмешательства человека, что мы легко можем себе представить, что лицо, основательно знакомое с законами геологического развития органических форм, не захочет поверить, чтобы в производстве их участвовала какая-то особая новая сила и презрительно отвергнет теорию (как может быть и моя теория будет отвергнута многими, согласными со мной в других пунктах) – отвергнет теорию, что в этих немногих случаях некоторые разумные силы для собственных целей направляла и контролировала действие законов изменчивости, размножения и переживания приспособленнейших. Однако, мы знаем, что такая сила в рассматриваемом примере участвовала, поэтому мы по крайней мере должны допустить возможность того, что, если мы не высшие интеллигентные существа всей вселенной, то некоторое высшее, чем мы, интеллигентное существо направляло процесс развития человеческого рода, направляло при том такими тонкими средствами, о которых мы даже не можем составить себе понятия по тем, которыми сами располагаем. В то же время я должен сознаться, что эта теория неудобна тем, что требует вмешательства какой-то разумной индивидуальности в образование того, что мы можем рассматривать как конечную цель всего органического мира, т. е. в образование интеллектуального и нравственного бесконечно совершенствующегося человека. Теория эта заставляет допустить, что великие законы, управляющие материальным миром, недостаточны для произведения человека или, по крайней мере, мы должны допустить, и при том на веру, контроль высшей

интеллигенции, как необходимую составную часть этих законов, настолько же необходимую, насколько необходимо действие окружающей среды для развития органического мира».

Против теории Уоллэса, как он и предвидел, возстали очень многие чистые дарвинисты, можно даже, пожалуй, сказать, что он остается единственным последователем своей теории. В Англии против него поднялись Дарвин, Стеенструпп, Клапарэд, у нас в России против него писал Вагнер. А некоторые русские ученые (бывший профес. Петровск. Академии Линдеман) поступили с его теорией очень своеобразно, он перевел на русский язык его книгу о естественном подборе, выкинув из нее трактат о происхождении человека и заменив его заявлением, что и человек произошел по указанным принципам естественного подбора. На учение Уоллэса о происхождении человека не было сделано никакого намека. Без сомнения, это самый простой и в то же время самый целесообразный способ предохранения общества от влияния на него идей, которые переводчику кажутся несостоятельными и вредными.

Из Англии перейдем во Францию. Здесь не безынтересно отметить своеобразное учение Нодена о происхождении человека, поставляемое им в связь с теорией происхождения видов и – по его мнению – согласное с учением Библии.

Исходное начало, из которого развился весь органический мир, Ноден видит в протоплазме или первоначальной бластеме, ни происхождения, ни начала действия которой он не находит возможным объяснить. Под влиянием органо-пластической или эволюционирующей силы из бластемы образовались протоорганизмы – весьма простые по своей структуре, бесполое и обладающее свойством производить отпрысками мезоорганизмы – нечто более сложное, чем они сами. Эти мезоорганизмы в свою очередь производили существа несколько более сложные, чем сами. Новопроизводимые организмы отличались не только от производивших, но и между собой. Так от поколения к поколению формы умножались, и природа быстрыми шагами шла к состоянию зрелости. Но существа, о которых идет речь, еще не были видами, это были только переходные ступени, вид личинок, единственная роль которых состояла в том, чтобы быть посредствующими между первоначальной бластемой и определенными формами. Разсеянные по различным странам земного шара, они всюду несли семена будущих форм, которые должна была произвести из них эволюционирующая сила. Из творческой, какой она была вначале, эта сила, истощаясь вследствие своей собственной деятельности, стала консервативной. Тогда формы интегрировались,

однако они сохраняют остаток пластичности, они варьируют под влиянием известных условий и отсюда происходит множество форм, из которых некогда тоже могут образоваться виды.

Прото и мезо-организмы заключали в себе самих – каждый сообразно со своим местом в роду – рудименты царств, типов, классов, порядков, семейств, родов. Места, где они фиксировались, стали потом центрами творения. Они однако не произвели сразу все формы, которые заключали в возможности. Существуют значительные интервалы между последовательными произведениями живых существ; чем объясняется, почему группы одного и того же порядка не были современными

Органические типы – даже и мало различающиеся между собой – не могли произойти одни от других. Вообразим, говорит Ноден, мезоорганизм, который бы был порядком млекопитающих. Со времени его появления на земле все порядки млекопитающих – включая порядок человека – заключались бы в нем, но очевидно, что мезоорганизм, от которого впоследствии должен был произойти порядок А, потенциально должен был отличаться от мезоорганизма, от которого имел произойти порядок В, ибо в каждом из этих мезоорганизмов эволюционирующие силы, имея произвести в будущем различные порядки, были распределены различным образом. Явление это подобно образованию органов в зародыше во время роста. Там мы видим, что из общего и единообразного начала выходят совершенно подобные части, которые в дальнейшем развитии различаются между собой.

Из этого видно, что Ноден призывает в опору своему воззрению эмбриогенические явления, в которых дарвинисты, в свою очередь, видят опору своей теории. Но, кроме того, ученый ботаник придает много значения тем метаморфозам, которые совершаются от яйца. Он видит истинные прото-организмы в про-эмбрионах мушек, в личинках насекомых и множестве иных низших животных. Он обращает особенное внимание на явление чередующихся поколений, как представляющих образ того, что происходило некогда, или – лучше – как воспроизводящих отчасти "древний или всеобщий процесс творения".

По мнению Нодена, человек подчинен общему закону, и повествование Моисея есть вместе и совершенно истинное и глубоко назидательное. В своей первой фазе человечество заключалось в глубине некоторого временного (переходного) организма, уже резко отличавшегося от других и не могшего слиться с ними. Из первичной бластемы, названной в Библии земным прахом (Ímon), является Адам. Он при своем появлении, собственно говоря, не был ни мужчиной, ни

женщиной: оба пола не были дифференцированы. Из этого личинкообразного человечества эволюционирующая сила произведет вид. Но для того, чтобы совершилось это великое событие, нужно, чтобы Адам прошел через состояние неподвижное и безсознательное, совершенно аналогичное состоянию куколок у насекомых, подверженных метаморфозам. Это состояние было тем сном, о котором говорит Библия, и в течение которого совершился процесс дифференцирования, аналогичный подобному процессу у медуз и асцидий. Человечество, так образовавшееся, сохранило в себе достаточно эволюционирующей силы, чтобы произвести различные расы. (О теории Нодена, см. у Quatrefages'a *L'Espèce humaine* 1878 pp. 89–91).

5. Палеонтологические открытия, приводимые в доказательство десцендентного происхождения человека.

Естественное происхождение человека считается постулатом естествознания точно также, как и естественное возникновение первоначальной жизни. Со второй половины XIX столетия содержание этих постулатов было расширено – и жизнь вообще и человек произошли эволюционным путем. Постепенно неорганическое вещество преобразовывалось в органическое, постепенно животное преобразовывалось в человека. Первое допускает возможность лабораторной проверки, второе допускает возможность проверки палеонтологической. Если человек имеет непрерывный ряд переходов, возводящих его к первоорганизмам, если родословная его – хотя и не такая аристократичная, как предполагали прежде, но за то несравненно длиннейшая – обнимает собой все периоды существования жизни на земле, то необходимо допустить, что его предки оставили следы своего существования на земле, и задача палеонтологической антропологии – науке об ископаемом человеке – состоит в том, чтобы по найденным следам и останкам возстановить образ человека прошедшего, от которого произошел человек современный. Человек, вводимый зоологами в их систему, называется *homo sapiens*, и вот теперь пытаются установить, что раньше, чем на земле явился *homo sapiens* на земле жил *homo primigenius*; останки этого предполагаемого предшественника и предка человечества немногочисленны. Поучительно сделать их краткое обозрение, чтобы видеть, к чему сводятся прямые данные в пользу животного происхождения человека.

На первом месте в ряду останков ископаемого человека помещается неандертальский череп, найденный в Рейнской провинции, недалеко от Дюссельдорфа, в Неандерской долине.

В высшей степени любопытно, что Дарвин, который в нем должен бы был находить себе опору, видит в нем очень обыкновенный человеческий череп. (Дарвин, О происхождении человека т. 1 стр. 162). Вирхов, исследовав неандертальский череп, склонился к тому, чтобы видеть в нем патологическое исключение. Череп, по его мнению, носит следы того, что обладатель его страдал ломом в костях (*malum Senile* или *arthritis chronica deformans*), потом на нем будто бы явны следы механического

сдавливания, особенно в чешуе затылочной кости, – в том месте, которое в обычных случаях именно отличается закругленностью и ровностью. Третий ряд паталогических изменений в неандертальском черепе представляют, по Вирхову, изменения внутренней поверхности через отношение новых костяных образований, именно в большей части протяжения на лобной кости (Platz. Der Mensch. S. 31–32). Катрфаж, подвергший тщательному исследованию неандертальский череп, говорит следующее: "эпитеты животного, обезьяньего, часто прилагавшиеся к черепу, неандертальскому и к тем, которые походили на него, догадки, пущенные в ход относительно индивидуумов, к которым он принадлежал, могли бы заставить думать, что некоторая интеллектуальная и нравственная низость необходимо связываются с этой формой черепа. Легко доказать, что это положение принадлежит к числу дурно обоснованных. На антропологическом конгрессе в Париже К. Фогт указал на одного из своих друзей, доктора Эмейера, череп которого совершенно тождествен с черепом неандертальским, и который тем не менее – врач, принадлежащий к числу самых лучших. Осматривая копенгагенский музей, я был поражен совершенно подобными чертами, которые представлял один из черепов коллекции. Оказалось, что это был череп Кай Ликке, датского дворянина, который играл некоторую политическую роль в XVII веке. Гордон опубликовал рисунок головы св. Mansny, епископа IV века, и эта голова воспроизводит самые выдающиеся черты неандертальского черепа. Лоб еще более остр, черепной свод еще более понижен. Наконец, голова Брюса, шотландского героя, воспроизводила тип канштадский. В присутствии этих фактов должно признать, что тот индивидуум, остатки которого нашли в неандертальской пещере, мог иметь все интеллектуальные и нравственные качества, совместные с его низшим социальным положением. (Quatrefages, L' Espèce humaine p. 231).

В 1886 г. в августе месяце на антропологическом конгрессе в Намуре два антрополога Charles de Puydt и Lohest сделали сообщение, которое, нам кажется, вполне решает вопрос о неандертальском черепе и решает его безповоротно в пользу взгляда Катрфажа. Названные антропологи в гроте Viche aux roches близ Spy нашли два скелета. Лица, которым они принадлежали, очевидно, были погребены, ибо кости, разбитые тяжестью последующих отложений, занимали, однако, их естественное положение. Около них найдены были орудия типа мустерийского, кости, изображающие палки начальника, многие костяные пластинки с изображением тюленей, три осколка от горшков, еще выдолбленную кость, наполненную олигистом (железным блеском), употребляемым для

татуирования. Один из этих скелетов принадлежал женщине, другой – юноше (швы черепа не были стерты). Черепа их воспроизводили тип неандертальский, кости большой толщины (9 mm), череп женщины чисто долихоцефальной (70), междубровная область развита недостаточно; головная мера другого черепа не была определена, ее можно положить приблизительно равной 75–76, таким образом, как поддолихоцефальную. Изучение этих двух черепов показывает в них развитие надбровных дуг, лобные впазушины очень заметны, глазные впадины очень велики, лоб низок и загнут назад, что особенно обнаруживается у женщины, затылочная область и преимущественно можжечковая часть весьма развиты. Прогнатизм выступает у них довольно заметно, arophyses geni обозначены явно. Референты ничего не сообщили о платикнемии и о полулунной вырезке локтевой кости. Измерения черепов дали цифры, поразительно сходные с цифрами, полученными от измерения неандертальского черепа.

**Неандерталь- Мужской Женский
ский черепъ. черепъ. черепъ.**

• 200	200	198		
144	140	150		
122	114	117		
106	104	106		
90	80	92		
затылочная кривая.		51	60	58
темянная кривая . . .		119	118	114
Толщина кости . . .		10	9	9
головная мѣра . . .		72	70	75—76
челюсть (ширина)		59		
вышина соединительной кости .		35		
Высота зубовъ		30		
уголь соединенія		107		

Эти цифры ясно указывают, что найденные скелеты принадлежат к

неандертальскому типу, что этот тип не есть исключение, а есть нормальный, что существовала раса неандертальского типа. Предположение о всем этом было гораздо раньше высказано Катрфажем. Открытие в гроте Viche-aux-roches представляет много данных для суждения о людях неандертальского племени. Оказывается, что эти люди фабриковали каменные орудия, утилизировали кости животных, например, клыки слонов, пользовались краской для разрисовки их тела и одежд, обжигали горшки и хоронили своих мертвецов. (Nadailac, la grot de la Viche-aux-roches. Rev. Quest Scient. 1886 p. 520). Эти данные побуждают поставить людей неандертальского типа выше некоторых из существующих племен, а не видеть в них посредствующие звенья между предшественником человека и современными низшими типами человечества.

Указывают на энгисский череп, нолетскую челюсть, – челюсть из moulin quignon, как принадлежащие homo primigenius.

Мнения относительно энгисского черепа весьма различны. Одни видят в нем череп расы эскимосской или австралийской, другие (Ляйэль и Bisk) признают, что он приближается к современному европейскому типу. По мнению Гексли, это – череп человеческий средней меры, который также легко мог заключать мозг философа, как и мозг необразованного дикаря. Мортилье в сообщении, читанном им в антропологическом обществе в Париже в 1882 г. заявил, что этот череп нельзя считать ни ископаемым, ни принадлежащимк первому отделу четвертичной эпохи. Вот его основания. Череп был найден в гроте, носящем явные следы того, что он был погребальным, но человек палеолитического века не хоронил своих мертвецов (некоторые антропологи продолжают утверждать это и теперь, несмотря на очевидность фактов, их опровергающих). Два зуба – Iamna, которые, видно, человек носил как украшение и костяное шило, найденное с костями указывает на индустрию века полированного камня, а не оббитого. Наконец, в энгиесе слои были перемешаны, чего не подозревал Шперлинг, при определении отложений, потому что там находятся раковины helix romalia, останки курицы, носорога и мамонта, что представляет соединение совершенно невозможное (Arcelin L'age du crane d'Engis. R. Qs.T. 12). Ставя знак вопроса над перемешанностью слоев, трудно оспаривать значение археологических находок, указываемых Мортилье, а значение их сводится к тому, чтобы энгисский череп, как и неандертальский, выкинуть из числа принадлежащих обезьяноподобным людям. После этого у эволюционистов не осталось ни одного черепа, поддерживающего их теорию.

Особенность нолетской челюсти, отсутствие *arophysis geni*, подавшее повод Мортилье отрицать существование способности речи у шеллийского человека, не представляется в глазах других имеющей такое значение. К *arophysis geni* прикрепляются мускулы языка, Мортилье из отсутствия первого выводит заключение о несуществовании последних. Но ему возражали, что во 1) последние у нолетского человека могли быть прикреплены и иначе, во 2) из единичного случая нельзя делать такого широкого заключения, которое позволяет себе делать французский антрополог. Нолетская челюсть могла быть патологическим исключением. Более вероятным, впрочем, считали первое (особый способ прикрепления мускулов), а не второе. Dawkins, составивший подробное описание особенностей доисторических черепов, совсем не упомянул об этой нолетской челюсти, потому, полагают, что он не придавал ей никакого значения, потому что она есть и у некоторых современных людей и при том вовсе не сопровождается теми пагубными последствиями, которые указывает Мортилье (Platz. *Der Mensch*. S. 8. 33–34). Тем не менее до 1887 г. нолетская челюсть всегда выставлялась дарвинистами, как одно из довольно сильных доказательств истинности их теории. Но более оно уже не будет приводиться, как таковое доказательство. Топинар – сам дарвинист – посетил Брюссель, где она находится, и исследовал ее. Оказалось, что *arophysis geni* у нее существует, как обыкновенно и у всех других людей. Он не был замечен сначала только потому, что челюсть была дурно вымыта. (Arcelin, *la mâchoire de la Naulétte*. *Rev. Quest. Scient.* 1887г. Т. 21).

Челюсть из *moulin quignon* была предметом многих споров и внимательно исследования. Прежде всего ее подлинность оспаривалась и оспаривается многими и не без успеха. Челюсть найдена была близ Аббевиля, местности, с которой связано печальное воспоминание о том, как ученых обманывали невежды (продавая им за весьма дорогую цену, делавшиеся ими, кремневые орудия, которые выдавали за доисторические). Ляйэль склонялся к мнению, что Муленская челюсть – подлинная, указывая на то, что она покрыта известковыми инкрустациями, для образования которых требуется значительное время. Но никто, ведь, не говорит, что эта челюсть новая, она, может быть, имеет за собой два тысячелетия – этого вполне достаточно для образования инкрустаций – и тем не менее она могла принадлежать человеку неолитического и даже металлического века и была перенесена рабочими в *moulin quignon*. Было сообщено, что какой-то рабочий из Мотора (близ Аббевиля), сносившийся с рабочими *moulin quignon* в 1862 г. нашел два скелета в старой

засыпанной (кельтской?) гробнице. Буше де Перт впоследствии приобрел эти скелеты, у одного из них, индивидуума лет 10–12, сохранились все личные кости, а нижняя челюсть его оказалась поразительно сходной с челюстью муленской. Обнаружившееся между ними различие могло иметь причиной различие возраста. Было высказано предположение, что неоказавшаяся челюсть у другого скелета была похищена рабочим, перенесена и погребена в Moulin quignon и затем указана Буше де Перту (в 63 г.). Предположение это весьма вероятно и доселе непоколеблемо. Ляйэль возражает против этого предположения на основании того, что челюсть маньерского (где нашли гробницу) ребенка не покрыта черными отложениями, но последние, нам кажется, могли налечь на муленскую челюсть в течение того года, который она пролежала на новом месте в темном песчанистом гравии, содержащем в себе много окиси железа и марганца. Поэтому вовсе нельзя считать непоколебленным мнение, что эта челюсть не принадлежит примитивному человеку, а принадлежит лицу, жившему приблизительно за две тысячи лет до нашего времени и, следовательно, отстоявшему от обезьяны, можно сказать, также далеко, как и мы. Но если даже допустить, что эта челюсть подлинная, за ней решительно нельзя признать никакого значения для эволюционной теории, как раз оказалось, что подобные челюсти (маньерская) встречались в неолитическую или даже металлическую эпоху. Затем, подобные челюсти встречаются, правда, как редкое исключение, и у индивидуумов настоящего времени. По заключению Вирхова, эта челюсть не имеет в себе ничего обезьяньего. (Platz. Der Mensch, S. 34–36).

Новейшее важное открытие останков ископаемого человека сделано в 1908 году – в Chapelle aux-saints.

Здесь ясно все и отложение определено хорошо. Три аббата, компетентность которых известна, Ж. и А. Буйссони и Бардон, раскапывая коррецкий грот, собрали различные человеческие кости, которые передали для исследования Булю, ученому профессору палеонтологии в музее. Принимая во внимание кости животных и кремни, найденные с человеческими останками, представляется бесспорным, что они принадлежат к среднему четвертичному периоду, к той его фазе, которую исследователи доисторического времени называют эпохой Мустье. Кроме того, состояние, близкое к окаменению, и морфологические признаки достаточно доказывают глубокую древность останков. Человеческие останки представляют собой череп, разбитый на множество кусков (но однако так, что было возможно реставрировать его без произвольных предположений), челюсть, несколько позвонков и длинные кости.

Очевидно, они принадлежали индивидууму – старику (как указывает состояние черепных швов и зубной полости), роста сравнительно невысокого (1 м. 60 сантим. = 2 ар. 4 вер.), но с очень развитой головой, поражающей своим животным видом и обезьяноподобными чертами. Этот череп долихоцефального типа (головной показатель = 75) обращает на себя внимание всей совокупностью своих признаков, главные из которых, по Булю, суть следующие: большая толщина костей, приплюснутость мозговой коробки, скошенный назад лоб, сильное развитие надбровных дуг, выдающихся так же, как в неандертальском черепе и проходящих широким желобом от отростка одной глазной впадины до такого же у другой, сильное развитие очень сдавленной затылочной части, не прямое положение затылочного отверстия, сплюснутая форма затылочных мыщелков (выступов костей, служащих для прикрепления мышц или входящих в состав сочленений), малый объем сосцевидных отростков. Лицо не менее необыкновенно. Лицевой прогнатизм значителен. Орбиты велики и выдаются. Короткий и широкий нос отделен от лба глубокой складкой. Верхняя челюсть выдается вперед, сообщая лицу характер животного рыла. Небный свод очень длинен. Края зубных ячеек почти параллельны, как у антропоморфных обезьян. Зубы неизвестны. Челюсть характеризуется шириной мыщелка, незначительной глубиной сигмоидальной выемки, сильной толщиной кости, кривизной соединения и отсутствием подбородка. В общем, череп из Chapelle aux-saints воспроизводит в усиленном виде черты черепной крышки из Неандерталья и Спи, челюсть напоминает нолетскую, Спи, Малярно. Это тем более важно, что эти кости, найденные в очень отдаленных пунктах западной Европы, принадлежат почти одному и тому же веку. Не остается сомнений, что в этих различных случаях имеют дело с некоторым нормальным типом людей, которые жили в среднем четвертичном периоде. Подлинность и значение некоторых из этих останков сильно оспаривались. Если Катрфаж и Гами избрали неандертальский череп, как типичный для расы, то не менее выдающиеся ученые как, Вирхов, смотрели на этот череп, как на череп идиота или урда. Теперь взгляд первых находит себе подтверждение. Ни у какой из ныне существующих рас нельзя найти всех тех черт низшего типа, которые представляет череп из Chapelle aux-saints. Он занимает низшее место в лестнице человечества. В том, что этот череп принадлежит человеку, не может быть сомнений. Решение вопроса о том, видеть ли в этом человеке особый вид, зависит от того, что каждый понимает под видом. Несомненно, как отмечает Буль, если бы дело шло о хищном или жвачном, то не стали бы колебаться в том,

чтобы дать ему особое место в классификации. Мне представляется верным, прибавляет Буль, что совокупностью своих черт группа Неандерталь-Спи-Шапель-о-Сент представляет низший тип, приближающийся к антропоморфным обезьянам более, чем какая-либо человеческая группа. Морфологически, кажется, ее должно поместить между яванским питекантропом и современными низшими расами, что, спешу я (Буль) прибавить, не рождает в моем духе мысль о существовании прямых генетических связей. Во втором сообщении (21 декабря) Буль дал несколько дополнительных сведений важного значения. Из сообщений аббатов Буйссони и Бардона видно, что скелет был найден в углублении, голова его лежала на куче камней. Очевидно, он был погребен. Отсюда вытекает, что культ умерших уже существовал в эту отдаленную эпоху. Это тем более является основанием для утверждения, что дело идет о человеке. Человек был несомненно примитивный, потому что он не знал употребления огня, по крайней мере не нашли следов очага, обстоятельство отрицательное, не могущее иметь большой доказательной силы. Во всяком случае этот ископаемый человек мог производить только грубые орудия. Не видно скульптуры, нет никаких украшений. Артистические идеи не родились еще в этом бедном мозгу, мы видим их появление только позднее, в верхнем четвертичном периоде. Но человек, который создал эти интересные произведения скульптуры и удивительные создания живописи, новые образчики которых открываются постоянно, стоял несравненно выше, чем бедное существо из *Chapelle aux-saints*. Его мозг был развит гораздо более. Нижняя часть головы у него сообщала лицу вид правильный и гармоничный» (L. Pervinquieré -*Le Pithekanthr. Et l'homme fossile de la chapelle-aux saints. Rev. scientifique. 1909, № 2-1-er sem.*).

Человек из *chapelle-aux-saints* жил, по мнению исследователей найденных костей, в эпоху Мустье. В доисторической хронологии теперь руководятся преимущественно классификацией эпох Мортилье. Классификация эта составлена преимущественно на основании открытий во Франции, но ее пытаются применять всюду, тем уместнее ее было применить к находке в *chapelle-aux-saints* – пункте, отстоящем очень недалеко от тех мест, именами которых Мортилье обозначал доисторические эпохи в своей классификации. Древнейшие европейцы не употребляли металлов. Они жили в каменном веке. Этот век подразделен на два периода: древний – палеолитический и новый – неолитический. В первый период люди выделяли орудия из камня путем оббивки, во второй – к оббивке они присоединили полировку, поэтому иначе эти

периоды называются периодом оббитого и периодом полированного камня. В свою очередь каждый из этих периодов подразделяется на эпохи. Палеолитический обнимает собою шеллийскую, ашеллийскую (первоначально Мортилье объединял эти две эпохи), мустье, солютрэ, магдален. Эпоха Мустье (название от пещеры в Дордоньи) наиболее характеризуется орудием, носящим название „острие мустье». Это – усовершенствованный *coup de poing* (кулачный удар) предшествовавших эпох. Там он представлял собой камень более длинный, чем широкий, заостренный с одного конца и округленный с другого, он двусторонне симметричен. В эпоху Мустье он является более заостренным, с одной стороны стесанным, так что он становится гораздо легче. Еще Мустье характеризуется каменным скребком, может быть для обдирания древесной коры или шкур. Костяные орудия отсутствуют. Последующее время палеолитического периода характеризуется усовершенствованием и дифференциацией орудий и развитием искусств. По мнению Мортилье, человек палеолитического периода не имел религии и не хоронил своих мертвецов. Многие оспаривали этот тезис. Новое открытие идет также против Мортилье. Обезьяноподобный человек Мустье, оказывается, имел культ умерших. Едва ли справедливо утверждать, что этот человек имел только то, что нашли в *chapelle-aux-saints*. *Argumenta e silentio* всегда должны быть принимаемы *cum grano salis*. Но и теперь указывают нечто весьма высокое в этом человеке типа Мустье: он в своей заботе о мертвых уже стремился – к вышечеловеческому, думал и заботился о том, что лежало за пределами земного существования.

Одновременно с открытием в *Chapelle-aux-saints* Гаузер открыл скелет неандертальского типа в Мустье. Около скелета было найдено много орудий. Скелет указывает, что покойнику сообщили положение спящего человека. Голова обращена на право с лицом несколько склоненным вниз, правая щека лежит на локте несколько приподнятой правой руки, левая рука протянута вперед, под ладонью находится прекрасно обделанный миндалевидный «удар кулака» сенташельского типа и отлично обделанный скребок типа Мустье. Под правым локтем и верхней правой частью головы были хорошо выбранные, плоские кремневые камни. Подо лбом лежала обделанная кремневая плитка. Затем кремни были расположены так, как будто они защищали лицо. Кроме этого около трупа и вместе с ним было смешано множество костей животных, носящих на себе следы огня. Обыкновенно это считается следами похоронного пира или указанием на то, что умершего снабжали съестными припасами. Скелет, по-видимому, принадлежал индивидууму

мужского пола лет пятнадцати. Клаатш определил, что он принадлежит к неандертальской расе. Ему удалось извлечь бедровую кость, берцовую, локтевую и одно ребро и во всех этих костях, не смотря на то, что они принадлежали очень юному лицу, отметить существенные черты неандертальского типа. Короткие размеры и неуклюжесть этих трубчатых костей указывали на неандертальский тип. Особенно на это указывала сильная кривизна ребра – признак, которым неандертальская форма отличается от всех ныне живущих рас и чем она приближается к антропоморфным обезьянам. Небольшие размеры роста и короткие конечности напоминают нынешние арктические расы, но не первобытные расы южного полушария, у которых локтевая и лучевая кости вовсе не коротки. В черепе ясно выражено громадное развитие зубной и челюстной области. Клаатш находит возможным говорить здесь, как и при разсуждении о многих австралийцах, не о лице, а о рыле. Нос у скелета помещался на выдавшейся вперед закругленной части рыла, зубы были роскошно развиты, зубы мудрости еще не вышли из челюстей, остальные зубы обнаруживают юношескую свежесть рельефа, которой еще не приходилось наблюдать ни у одного индивидуума неандертальской расы. Вообще зубная область напоминает находки из Крапины (в Австрии); ненормальным представляется то, что нижний левый клык не вышел, вместо него остался маленький молочный зуб. Массивная нижняя челюсть заставляет предполагать отступающий назад подбородок низшего человеческого типа. Развитие надбровных дуг, глазные впадины, расстояние между ними, все соответствует неандертальскому типу, нет только морщин на лобной чешуе между глазными орбитами, но она не соответствует юношескому возрасту скелета. По Клаатшу если у гориллы укоротить руки и удлинить ноги, то она приблизится к исследованному им человеку Мустье. Массивность костей также сближает мустьерца с большими африканскими обезьянами, а вместе и с африканскими неграми. В новой находке, как еще в гибралтарском черепе, хорошо сохранилась лицевая часть. От громадных глазных орбит заключают к малому количеству мозга, по строению лицевых костей Клаатш заключает, что нос мустьерца, как и нос многих австралийцев, был необыкновенно широк.

Позволительно думать, что эта мустьерская находка подсказывает прежде всего два вывода: 1) что неандертальская раса существовала действительно и 2) что человек неандертальской расы был столько же *homo sapiens*, сколько и современные некультурные народы. Мустьерец был погребен очень тщательно; несомненно на его трупе была принесена жертва; орудия и останки животных, положенные с ним указывают, что

его сородичи веровали в будущую жизнь и имели о ней определенные представления. Поучительно, что погребальный обряд был совершен почти над мальчиком.

Немного ранее, чем мустьерский скелет, именно в конце 1907 года около Гейдельберга в так называемой гейдельбергской стене была найдена челюсть, исследование о которой позднее опубликовал Шотенсак и которую склонны считать древнейшей из известных человеческих останков. Фауна, среди которой она была найдена, относится даже к третичному периоду – к верхнему плиоцену (*Rhinoceros etruscus*). Если бы от челюсти сохранилась только часть, направляющаяся к подбородку, ее можно было бы принять по мнению исследователей за челюсть гориллы. Если бы, напротив, сохранилась восходящая ветвь, то ее можно было бы считать челюстью разновидности гиббона. Но сохранились зубы и эти зубы свидетельствуют о том, что она принадлежала человеку. Эти зубы несколько больше, чем зубы современных европейцев, но они слабее, чем зубы современных дикарей. Между зубами и челюстью в гейдельбергской находке оказывается несоответствие. Пытаются объяснить его так. Зубы гейдельберца служили тем же нуждам, как и зубы теперешних дикарей, но сильное развитие челюсти есть наследство, полученное от предков, указывающее, что их образ жизни требовал могущественного развития нижней части головы.

Нетрудно перечислить все найденные доселе неандерталовидные останки человека. Таковы: челюсть Малерно, найденная во Франции в 1889 году, она более прогнатична, чем челюсть нолетская; челюсть из Шипки (в Моравии), таубхские (около Веймара) и предмостские (в Моравии) зубы. Близко к неандертальскому стоит гибралтарский череп. Затем должны быть названы скелеты из Крапины (Австрия), кремские скелеты (недалеко от Вены), сен-денизский человек, ариньянский человек. Но может быть важнее всех их находка, сделанная в липовецком уезде киевской губернии и носящая теперь имя новоселского черепа. Об этой находке Казимир Столихво (*Stotyhwo*) поместил сообщение в известиях краковской академии наук 1908 года. – "Новоселский череп, рассматриваемый как доказательство существования в историческую эпоху форм родственных *homo primigenius*". Череп этот найден в кургане относительно нового происхождения. При нем найдено железное оружие, чешуйчатая броня, его относят к эпохе переселения народов. В парижском журнале *L' Anthropologie* Столихво по поводу новоселского черепа поместил статью: „*Homo primigenius* принадлежит ли к виду отличному от *homo sapiens*?“ и дал на этот вопрос отрицательный ответ. Столихво

сравнивал морфологические признаки черепов homo primigenius и homo sapiens и пришел к заключению, что между ними нет глубокой пропасти, что, напротив, можно говорить о близком морфологическом родстве обеих групп. Первая примитивнее, но она не совершенно иного строения, чем последняя, и было бы несправедливо оспаривать принадлежность ее к homo sapiens. Интеллект первой, хотя еще и неразвитый, несомненно стоял на несравненно высшей ступени, чем интеллект наших ближайших родственников в животном царстве. Поэтому Столихво заключает, что пограничная линия, которую Швальбе провел между homo primigenius и homo sapiens, совершенно искусственна: обе группы образуют не две различные ветви, но только одну – homo sapiens, которая распадается на длинный ряд различных форм²¹).

Какое заключение на самом деле должно вывести из приведенных фактов? Для того, кто верует в теорию эволюции, эти факты говорят о том, какими звеньями человек связан с животным миром, но для тех, для кого теория эволюции является проблемой, а не открытой истиной, эти факты могут представляться имеющими очень различное значение.

Во 1) крайне удивительно, что их так мало. Ведь, человечество усердно искало своих предков. Ведь, решением вопроса о происхождении человека обуславливается целое мирозерцание. И что же? со времени открытия неандертальского черепа прошло более столетия, сколько ученых и во скольких странах искали человеческих ископаемых останков и нашли лишь несколько костей, приближающихся к неандертальским. А сколько в это время найдено останков нормального типа? Безчисленное количество. Ведь, легко тогда, принимая во внимание отношение первых к последнему, допустить что эти неандерталоподобные кости – исключения, уродства. Ведь, новоселский человек по своему черепу был исключением среди своих современников; почему не допустить, что таким исключением был и гибралтарец и мустьерец? Дело в том, что типы подобные ископаемым находятся и теперь: и зубы более крепкие и носы более широкие, чем у ископаемых, оказываются у современных австралийцев. Что же в таком случае прибавляет палеонтологическая антропология к современной этнографии?

Во 2) пусть найденные кости порой так приближаются к костям приматов, что возникает сомнение – человеческие они или нет. Вот, что несомненно: все найденные доселе палеонтологические люди обладали строением, допускавшим для них возможность делать все то, что делает современный человек, и этим они при всей своей кажущейся близости к животным бесконечно отличались от них.

В 3) палеонтологические люди оставили следы своей духовной культуры, они хоронили своих мертвецов; форма погребения доказывает, что они верили в загробную жизнь. В погребения коррезца, мустьерца мало вдумывались. Теперь при погребении обычно держатся традиции, смысл которой часто бывает утерян, но как у первобытных людей искать религиозную традицию? Они должны были создать обычаи, выработать формы погребения, они должны были при выработке этих форм руководиться идеями, принципами, убеждениями. Погребение человека с предметами, которые он употреблял в домашнем обиходе, ведь, не указывает, что люди загробную жизнь считали тождественной с земной. Они не могли сделать этого допущения, потому что в загробной жизни человек был лишен своего земного тела. Они могли только мыслить, что загробная жизнь подобна земной. Снабжение покойника орудиями, утварью и съестными припасами должно было иметь в их глазах символическое, а не реальное значение. Это мы знаем относительно религиозных верований древних культурных народов и в этом мы не сомневаемся относительно ископаемых народов. В Солютрэ (предполагается, что хронологически обитатели Солютрэ следовали непосредственно за мустьерцами) было найдено место погребения, археологическое исследование которого дало весьма интересные результаты. По-видимому, глава пещеры был похищен смертью, его товарищи по войне и охоте положили его в хижине, обратив голову к заходящему солнцу. Под руку положили его оружие и предметы, которые были ему особенно дороги: два острия копья, сделанные оббивкой, большое число весьма маленьких и очень остро отделанных копий, створка Рестен Ясобеус, раковина богомола, имеющая отверстие вблизи шарнира и назначенная, может быть, служить вместе и украшением, и религиозным символом. Но самым интересным предметом была грубо оббитая фигура в молоссовом осколке, изображающая оленя³¹). Вот – эта фигура оленя, она есть только символ действительного оленя, и обитатель Солютрэ, очевидно, как и древний египтянин умозаключал, что при погребении достаточно символа. Какую мысль должны были соединять люди с этим символическим снабжением покойника нужными предметами? Позволительно думать, что в сущности ту же самую, которую позднейшие язычники соединяли с жертвой. Важна не жертва, а готовность принести жертву. Важно не то, что дадут умершему живые; важна их готовность содействовать благополучию умершего в загробном мире. Живые знали, что предметы, положенные с умершим останутся в гробу, а умерший будет жить вне гроба. Предметы не последуют за ним.

Что же последует? Может быть души предметов. Сложная система погребения у палеонтологических людей говорит о высоких духовных инстинктах и о существовании отвлеченных верований. В вопросе о бессмертии души современный человек не ушел дальше своих ископаемых предков, почему же он трактует их так высокомерно и, называя себя homo sapiens, не хочет им усвоить признака sapientiae. Не есть ли это на самом деле неумный тезис неумных людей, говорящих: мы гораздо умнее наших отцов.

Палеонтологический человек не имел опыта тех тысячелетий, которые протекли со времени его существования до наших дней. Отсутствием этого опыта объясняется несовершенство его техники. Палеонтологический человек вел жестокую борьбу за существование, этим объясняется его могучее физическое развитие, прогнатизм его челюсти, сила его зубов. Но этот человек, обладавший крайне скудными познаниями и живший в ужасно тяжелых условиях, стремился сообщать своим примитивным подделкам – изящную форму и давал им религиозное употребление. Я думаю, что это с несомненностью доказывает, что известный нам палеонтологический человек в духовном смысле был тем же, чем являются люди XX столетия.

6. Настоящее положение вопроса о происхождении видов.

Для того, кто принимает эволюционную теорию происхождения животных и растительных видов, очень трудно и едва ли даже возможно допустить изъятие человека от подчинения общему закону эволюции. С зоологической точки зрения человек несомненно есть животное позвоночное, млекопитающее, стоящее близко к приматам. Рождение, жизнь и смерть человека подчинены тем же физиологическим законам, как и жизнь других млекопитающих. Но если индивидуумы человеческие и животные подчинены одним и тем же законам, то почему делать изъятие из родов и представлять, что род человеческий возник не так, как роды животных? Ведь, и Библия создание человека представляет не изъятием из общего закона творения, а завершением творения. Все было хорошо, но с появлением человека стало хорошо весьма. Раз происхождение человека неизвестно науке, то конечно нельзя считать доказанным, что человек произошел также, как и другие животные, близкие ему по зоологическому типу. Однако не трудно видеть, что для мысли естественнее всего допустить одинаковое происхождение для первого и вторых. С этим нужно согласиться. Но я поставлю теперь вопрос иначе – знаем ли мы, как произошли животные? И я думаю, что на этот вопрос должно отвечать отрицательным образом. Родословные, предлагаемые палеонтологией, едва ли на самом деле более отвечают действительности, чем родословные троянских героев. Ученые более всего работали над родословной человека. Она у них никак не складывается, но может быть если бы они приложили столько же усилий к разработке вопроса о родословной осла или орангутанга, дело оказалось бы не в лучшем положении.

Фактической истории органического мира нет, но с 59 г. прошлого столетия имеется теоретическое представление этой истории и управляющих ею факторов. Было время, когда на Руси не позволялось раскрывать рта, чтобы возражать против "вечных истин», возведенных Дарвином. Теперь дело обстоит несколько иначе. Возражения против теории допускаются и не только возражения новые, но и старые возражения, к которым сначала отнеслись пренебрежительно, стали предметом более внимательного обсуждения. В сущности этими возражениями и решается дело. Ими утверждается, что факторы эволюции, установленные Дарвином, не существуют и что его теория развития жизни не отвечает тому, что мы знаем об истории этой жизни.

Для того, чтобы теория Дарвина была правильной, нужно, разсуждают антидарвинисты, чтобы изменчивость (первый эволюционный фактор) в организмах имела следующие признаки: постепенность, неопределенность, безграничность и мозаичность. Если нет постепенности, а существуют скачки, то тогда, собственно, теория Дарвина ни при чем, ибо причина таких скачков неизвестна, и рычаг, который управляет развитием организмов, таким образом, окажется тайной. А между тем можно указать, как в ботанике, так и в зоологии и даже антропологии, примеры таких скачков. Вот примеры, приведенные Данилевским из ботаники. "Может ли кто в здравом уме надеяться получить яблоко первого достоинства или сочную тающую грушу от дикой груши?" – спрашивает Дарвин. "Мои опыты, отвечает знаменитый садовод Декен, прямо показывают, что мы можем получать хорошие разновидности, высевая семена диких груш, и очень дурные – высевая семена наших улучшенных пород». Другими подобными примерами являются внезапное появление однолистной земляники в Версале в 1863 г., кипарис, дающий из семян пирамидальную разновидность, и биота, дающая разновидность плакучую. Подобные примеры можно указать в зоологии. В Америке в Парагвае водится племя безрогого скота, происшедшее от безрогого быка, родившегося от рогатых родителей. Самые голуби, так излюбленные Дарвином: гонцы, дутьши, турманы – произошли вовсе не вследствие постепенной изменчивости, а вследствие неожиданного рождения от обыкновенной самки голубей с резкими особенностями, как это допускает и сам Дарвин. У людей мы видим тоже подобное явление. Так шестипалые дети рождаются от родителей, имеющих по 5 пальцев, и часто передают свою шестипалость следующим поколениям. Точно также альбиносы рождаются от людей с обыкновенными глазами. Все эти примеры показывают, что изменения в организмах происходят скачками, а не со строгой постепенностью. Относительно того, безгранична ли изменчивость или нет, нельзя с твердой уверенностью сказать ничего решительного. Судя по наблюдениям и историческому опыту, она оказывается ограниченной. Но может ли она в течение веков быть безграничной, это неизвестно. Что касается до мозаичности изменчивости (под этим Данилевский разумеет, что для удовлетворения теории Дарвина требуется, чтобы изменчивость не представляла определенной связи в одновременных изменениях различных органов), то мозаичности удовлетворяет только изменчивость, не имеющая значения (например, образование курдюков у овец не соединяется ни с какими иными изменениями в их организации). Относительно другого

фактора – наследственности, доселе в биологии не выяснено самое существенное для дарвинизма. На вопрос: передаются ли наследственностью от предков к потомкам только свойства, полученные предками от природы, или же и благоприобретенные, доселе не дано уверенного ответа. Знание, опыт, технические навыки не передаются по наследству, наследственно передаются природные способности, но не степень их развития. Говорят, передаются наследственно болезни, но объясняют, что передаются болезни инфекционные (передаются микробы) или передается природная расположенность к болезням (наприм., слабая грудь, предрасполагающая к чахотке), а не болезни благоприобретенные (ослепший, оглохши, безногий – рождают видящих, слышащих, с ногами). Но если вопрос о наследственности оказывается покрытым безусловным мраком, то вместе с этим оказывается совершенно невыясненным и вопрос об изменчивости и ее факторах. Что производит изменения? Каким образом они передаются от поколения к поколению? Что фиксирует в растительных и животных видах эти изменения? Биология не дает ответа на эти вопросы. По гипотезе дарвинистов, у многих организмов не только должны изменяться и совершенствоваться существующие органы, но должны возникать и совершенно новые. Здесь представляется следующая трудность: при первом зачаточном своем образовании эти органы не могут выполнять тех функций, которые им будет суждено исполнять в будущем, они будут не только бесполезны в организме, но непременно вредны. Возьмем, положим, глаз. Его зачаточная форма будет не что иное, как болезненное образование на коже вследствие чрезмерного ее раздражения от действия света. Возьмем, далее, легкое, образующееся из плавательного пузыря; в середине процесса превращения оно будет делать затруднительным для своего обладателя существование как в воде, так и на суше. Спрашивается, каким образом особи, претерпевающие в своем организме подобные изменения, могут сохраниться в борьбе за существование, ведь они не наиболее, а наименее приспособленные? Очевидно, они должны не сохраниться, а погибнуть. О борьбе за существование – этом рычаге прогресса по Дарвину, Данилевский замечает, что Дарвин неверно представляет себе эту борьбу. Во многих местах у животных не существует борьбы ни между собой из-за пищи, ни с климатом (наприм., в благодатных степях Америки у травоядных животных), и однако одни животные вымирают, а другие остаются. При этом мы видим, что вымирали виды, по-видимому, совершенно обеспеченные в борьбе за существование: мамонт, носорог с костяной перегородкой, в настоящее время вымирают могучие зубры в Беловежской

пуще. Естественный подбор, по утверждению антидарвинистов, должен устраняться и уничтожаться скрещиванием. Полезные изменения, которые должен бы был сохранять естественный подбор, возникают у немногих организмов, которые скрещиваются обыкновенно с неизменившимися; их потомки, отчасти унаследовавшие их особенности, опять будут скрещиваться с обыкновенными особями. Не трудно видеть, что в таком случае, если и будут у тех или других животных и растений возникать какие либо особенности, они всегда будут растворяться и исчезать в последующих поколениях. В природе являются типы, резко возвышающиеся над средним уровнем: между людьми – гении, в царстве растительном и животном – особи с исключительными признаками; являются также, наоборот, идиоты и сумасшедшие между людьми, уродливые животные и растения; но все это не сохраняется, в конце концов все, что стоит выше и ниже среднего уровня, исчезает. Природа таким образом является великой уравнивательницей. Естественный подбор, говорит Данилевский, есть устранение скрещивания, и раз существует скрещивание, то не существует подбора. Даже и по устранении скрещивания представляется весьма мало вероятно, чтобы подбор действительно мог образовывать новые виды организмов. Так как для образования новых видов изменения, возникающие в организмах, должны фиксироваться в одном направлении, то понятно, что малейшее отклонение в течение тысячелетий легко может уничтожить всю работу подбора. Дарвин придает еще важное значение принципу полового подбора и утверждает, что, не обращаясь к этому принципу, невозможно объяснить происхождения многих животных видов и человека. Но здесь против Дарвина возстают уже сами эволюционисты. По мнению Уоллэса, полового подбора не существует. В доказательство существования полового подбора Дарвин приводит только одно обстоятельство, именно то, что самцы во время полового возбуждения выставляют напоказ самые красивые части своего организма, но Уоллэс объясняет это не стремлением показать свою красоту, а нервным возбуждением, так как и неукрашенные самцы в этот период машут крыльями, расширяют их, поднимают свои гребни или хохолки и т. д. Если же нет полового подбора, то нельзя объяснить происхождения хвоста у павлина, рогов у оленя. Но если этот подбор и существует, то и тогда вопрос о происхождении хобота слона, курдюка овец, горба бизона остается совершенно открытым. Обращаясь к прошедшему, антидарвинисты утверждают, что геология и палеонтология также представляют серьезные возражения против дарвинизма. Эволюционный процесс, по Дарвину, должен происходить с

крайней медленностью, он должен заключать в себе по крайней мере миллиарды и триллионы веков, но, по утверждению физиков и астрономов, предлагающих свои вычисления геологам, период существования органического мира на земле обнимает собой никак не более 40–20 миллионов лет. Но и эта цифра некоторым ученым представляется черезчур преувеличенной, – так Перафор утверждает, что вся история земли обнимает собой 5 миллионов лет. Палеонтология представляет также серьезные возражения против дарвинизма. Первым из них является факт неизменяемости многих родов растений и животных в течение многих геологических периодов. Укажем некоторые. *Discina* (относится к типу мягкотелых, к классу головоногих; голова резко обособлена; имеет два больших, очень совершенных глаза; рот окружен руками; нога имеет вид воронки; раздельнополы) существует с силурийской эпохи до наших дней, а между тем *discina* относится далеко не к типу простейших. *Tuua accidentalis* и *abies canadensis* являются теперь такими же, каковыми они были в миоценовую эпоху. Почему они не изменились? Не говорит ли это о том, что есть какое-то начало в организме, сопротивляющееся изменениям? Это особенно ясно открывается из того, что мы видим – хотя бы в *discina* – вариации видов; это, по теории Дарвина, должно бы было вести все далее и далее от первоначального типа, – однако, нет, новые виды столь же ясно говорят о принадлежности к тому же роду, как и древние. Другим, еще более серьезным возражением против дарвинизма является в палеонтологии факт отсутствия переходных типов. На первый взгляд кажется, что это возражение теряет свою силу вследствие ссылки Дарвина на бедность палеонтологических коллекций, но при внимательном рассмотрении эта ссылка оказывается не имеющей значения. Дело вот в чем. Согласно теории Дарвина, между каждыми двумя видами должно существовать множество переходных ступеней. Пусть так. Но вот что удивительно. Палеонтологам удавалось находить очень много экземпляров одного и того же вида и много экземпляров видов родственных и между тем не удавалось находить посредствующих звеньев в одном экземпляре. На основании теории вероятности, это ненахождение можно объяснить только действительным отсутствием таких звеньев. Пфафф пытался выразить числами вероятность, которая существует для встречи посредствующих форм между двумя родственными видами, доставившими много образчиков, например, между двумя видами силурийских трилобитов. Эти переходные формы, по гипотезе эволюционистов, должны быть весьма многочисленны. Пфафф предположил их только 10 между двумя чистыми формами. Он

представляет потом кучу, составленную из миллиона зерен; одних – цвета голубого, представляющих чистую форму, других – цвета красного, представляющих 10 посредствующих форм, которые должны привести к новому виду. Красных зерен, следовательно, будет в десять раз больше, чем голубых. Пфафф ставит затем такой вопрос: какая существует вероятность, выбрав 100 зерен из таза, выбрать только голубые? Или лучше – извлекая из пластов 100 экземпляров одного ископаемого вида, какая существует вероятность не найти ни одной посредствующей формы? Вычисление вероятностей отвечает дробью $0,1^{100}$ или 1, разделенной на 1 со ста нулями. Это вычисление не особенно благоприятствует теории Дарвина; но, собственно говоря, найдены доказательства скачков в природе. Возьмем хотя бы лошадь. Иногда рождаются жеребята, имеющие кроме копыта другой палец сзади; в прошедшем удалось отыскать животное, близкое к лошади (гиппарион), но имевшее такое же строение ноги, какое теперь встречается у двупалых жеребят. Допустим, что последние представляют собой атавизм, но на что указывает этот атавизм? На то, что от гиппариона путем какого-то загадочного скачка произошла лошадь подобно тому, как теперь путем скачков от лошади может произойти гиппарион (не все считают гиппариона предком лошади). Естественный подбор здесь ни при чем. Третьим возражением против дарвинизма с точки зрения палеонтологии является то, что в геологических пластах новые формы обыкновенно являются сразу и при том в большом количестве. Может быть, это действительно, следствие пробелов нашей палеонтологической летописи, но пока, ведь, эти пробелы не восполнены, дарвинизм не может утверждать, что палеонтология на его стороне. Наконец, возражением против дарвинизма является отсутствие строгой последовательности в ископаемых, находимых в пластах (наприм., найденное млекопитающее в юрских отложениях стоит по своей организации выше млекопитающих эоценовой эпохи⁴¹).

Лицам, выступившим с отрицанием теории Дарвина, нередко ставили странное возражение (его наприм., высказал проф. Тимирязев): как же по вашему произошли виды? Это возражение конечно не является возражением. Признать неудовлетворительным какое-либо объяснение факта вовсе не значит претендовать на умение объяснить этот факт. И наука, которая хорошо знает свои границы, правильно оценивает материал, которым располагает, и отказывается от объяснений там, где не может их дать, такая наука гораздо выше той, которая дает нелепые объяснения. До времен Реди (XVII столетия) ученые говорили массу пустяков о произвольном зарождении и приводили массу фактов такового.

Современная наука говорит, что она не знает фактов произвольного зарождения и не знает, как первоначально возникла жизнь. Это знание своего незнания есть громадный шаг вперед в деле развития науки. Позволительно думать, что биология сделает и дальнейший шаг и признает, что, как проблема происхождения жизни, так и проблема происхождения видов безусловно не решена. Но за всем тем и вопрос: как же вы объясняете? можно не вполне оставить без ответа. Есть теории, резко расходящиеся с дарвинизмом и не расходящиеся с фактами, их можно противопоставить дарвинизму. Настаивать на их истинности нельзя, но можно настаивать на том, что сравнительно с ними дарвинизм не заслуживает предпочтения. Таковыми являются взгляды Келликера, опирающиеся между прочим и на открытия и работы русских ученых (Вагнера, Коржинского).

Со своей теорией Келликер выступил в 1872 году. Он начал с критики теории Дарвина. "Теория Дарвина, как замечает Клаус, есть ничто иное, как применение к разъяснению органического развития великого закона суммирования множества мельчайших влияний, действующих в течении громадных промежутков времени, в один общий колоссальный результат». Значение этих мельчайших влияний и строгую постепенность в развитии органического мира Келликер отрицает. Келликер признает, что существует общий закон развития органического мира, закон, подобный тому, по которому развиваются отдельные организмы. При чем, по Келликеру, развитие органического мира может совершаться и действительно совершается скачками, а не в строгой постепенности. Изменения в организмах, говорит Келликер, состоят во 1) в изменении существующих органов, во 2) в возникновении новых морфологических единиц. Изменение существующих органов – Келликер допускает – может происходить под влиянием внешних условий, но возникновение новых органов имеет свою причину в законе общего развития, а не в случае. Странно допустить влияние подбора на возникновение новых органов, когда эти органы вначале будут только лишним или даже вредным бременем для организма. Появление спинной струны у первых млекопитающих, первых позвонков, первых кровеносных сосудов, все это непонятно с точки зрения естественного подбора. Затем, если обратить внимание на то, что почти все более или менее крупные изменения зародыша и прежде всего все настоящие новообразования органов случаются в самые ранние поры зародышевой жизни, так у куриного зародыша все главные органы закладываются в первые 4–5 дней его существования, у человека к концу первого месяца его утробной жизни;

если обратить внимание на это обстоятельство, то очевидно нельзя представить себе развитие организмов таким образом, что они сначала проходили все стадии беспозвоночных животных, а потом начали принимать признаки позвоночных. Развитие нужно представлять иным образом. По Келликеру, возможны и действительно бывают такие случаи, что от родителей, стоящих на низшей ступени, положим, кишечнополостных или червей, прямо возникнут насекомые. Для обоснования и разъяснения своей теории он обращается к явлениям метагенезиса (перемен генераций)⁵¹, гетерогонии⁶² и педогенезиса⁷³. Простейшую форму метагенезиса представляют некоторые кольчатые черви (*Syllis*). Они раздельнополы и имеют вполне развитые, хотя и весьма просто устроенные, половые органы. Из оплодотворенного яйца возникает личинка, а из нее молодой червь, проходя типические стадии развития. Но почти взрослый сложившийся червь, не имеющий только вполне развитого полового аппарата, может делиться поперек на несколько частей, из которых каждая образует нового маленького червя. Эти маленькие черви представляют, следовательно, собой поколение, происшедшее путем бесполого размножения, путем деления материнского организма. Они растут, достигают половой зрелости и размножаются посредством оплодотворенных яиц, производя следующее поколение путем полового размножения, как произошел и первый червь. Более сложное явление метагенезиса наблюдают у некоторых медуз. Эти морские животные имеют обыкновенно вид студенистого полупрозрачного колокола и размножаются посредством оплодотворенных яиц. Из яйца развивается овальная личинка, плавающая некоторое время в море и, наконец, укрепляющаяся одним своим концом на каком-либо подводном предмете. На свободном конце ее тела появляется ротовое отверстие, а вокруг него вырастают щупальца. В этом виде превращенная личинка медузы называется сцифистой и напоминает собой сидячий полип вроде пресноводной гидры, водящейся в наших прудах. Сцифиста растет в высоту и начинает подразделяться поперечными перехватами на части, а ее щупальца претерпевают обратное развитие, т. е. уничтожаются. В этой стадии развития животное называется стробилой. По краям сегментов стробилы образуются затем новые отростки (щупальца) и мало-по-малу сегменты отделяются в виде плоских дисков с отростками, которые плавают отдельно и превращаются постепенно во взрослых колоколообразных медуз. Здесь, таким образом, половые и бесполое поколения оказываются совсем непохожи одно на другое, здесь являются превращения. Теперь обратим внимание на то, что сцифиста в

известной стадии развития весьма напоминает гидру. Исходя из этого, Келликер предполагает, что возможно, что некогда гидроподобные организмы, размножаясь, произвели дотоле не существовавшие формы медуз.

Явления метагенезиса, указывают, по Келликеру, на возможность происхождения совершенно новых существ внезапно, т. е. без всяких постепенных переходов. Возможность этой внезапности открывается также из фактов гетерогонии. Под именем гетерогонии разумеют те случаи, когда одно и то же животное при размножении своим является в двух или более различных формах зрелых в половом отношении. Так, например, существует маленькая круглая глиста, аскарида лягушачья (*ascaris nigrovenosa*), которая живет в двух различных формах – в легких лягушки и во влажной земле. В легких лягушки живет гермафродитическая форма, яйца которой развиваются из раздельнополюх глист, имеющих признаки рода *Rhobditis*. Эти молодые робдитисы из легких лягушки переходят в ее пищеприемное горло и пройдя через пищеварительный канал, с испражнениями попадают на землю, после чего живут в земле свободно, пока снова не попадут в рот и легкие лягушки, где они производят первоначальное гермафродитическое поколение. Так, оказывается, что из одного и того же начала возникают *ascaris nigrovenosa* и *rhobditis nigrovenosa*.

Что касается до педогенезиса, то Келликер цитирует открытие пр. Вагнера о размножении личинок мух, как подтверждающее его теорию разнородного происхождения. Вагнер нашел, что личинки некоторых мух (*cecidomyidae*) могут производить внутри своего тела новое поколение подобных же личинок. Эти последние поедают внутренности матери и выходят наружу, после окукливаются или же вторично производят внутри себя поколение личинок, которые уже подвергаются окукливанию. Из куколок развиваются мухи. Можно допустить, говорит Келликер, что личинки насекомых существовали некогда, как самостоятельные формы и внезапно стали производить неподобных себе личинок, а новые существа, т. е. современных мух. (Холодковский, теория Дарвина, ее критики и ее дальнейшее развитие. Келликер).

В подтверждение теории Келликера о возможности внезапных переходов организмов одного вида к организмам другого вида можно указать еще на наблюдения и опыты Уоллэса и Вейссмана над бабочками. Существуют, например, две формы европейских бабочек *vanessa levana* и *vanessa proorsa*, резко различающиеся между собой цветорасписанием. Первая – буро-желтого цвета с черными пятнами и полосками, вторая –

черная с широкой белой перевязью на обоих крыльях. Эти две формы долгое время считались за два различных вида, но впоследствии оказалось, что различие окраски обуславливается влиянием времен года: *vanessa levana* есть перезимовавшая в куколке *vanessa prorsa*. Теперь существуют самостоятельно и *prorsa* и *levana*. Вейсман развил теорию что *prorsa* произошла от *levana* во время ледниковой эпохи. С точки зрения Келликера, находящей в данном случае опору в фактах настоящего, такой переход мог произойти внезапно.

Теория Келликера отрицает знаменитое древнее положение: *natura non facit saltum*, положение, надо заметить, представляющее собой такой же бэконовский *idolon* для современных натуралистов, каким для прежних являлся *hoggor vacui* в природе. Теория эта, далее, устанавливает новый взгляд на отношение организмов между собой. По Дарвину и другим, различные организмы тем ближе генетически, чем они ближе физически, по Келликеру этого не оказывается. Непосредственным детищем червеобразного существа может быть *musca Domestica* – организм совсем другого типа, стоящий рядом с *musca caesar*, *vomotoria* и могущий не иметь с ними никакого родства. Келликер идет даже далее, он утверждает, что организмы одного вида могли происходить от совершенно различных предков, почему и называет свою гипотезу полифилитической в противоположность дарвиновской, которая, как он законно говорит, непременно должна быть монофилитической. С точки зрения Келликера, значит, человек мог родиться – даже и в библейском смысле потенциально совершенным – от какого-нибудь вовсе непохожего на него млекопитающего, но мог, конечно, родиться и от обезьяны.

По пути, проложенному Келликером, Коржинским, Бетсоном пошел голландский ботаник Фриз. Внезапному превращению одного вида в другой теперь усвоено имя мутации, и теория таких превращений названа мутационной. Сущность ее по Фризу такова: органические виды не подлежат непрерывной изменчивости, в течение более или менее долгих периодов остаются неизменными. Но затем органический вид вступает в мутационный период, организмы прямо воспроизводят от себя новые виды. По мнению Фриза, особенности вида обуславливаются появлением в организме определенных, единичных, резко ограниченных один от другого элементов. Сам элемент тот подлежит изменениям, вариациям, обуславливаемым, согласно опытам Фриза, главным образом питанием, от этого зависят вариации в растениях. Но возникновение видов зависит не от вариаций, а от мутаций. Наступает момент в жизни вида, когда он должен дать жизнь новым видам. По Фризу такой мутационный период в

недалеком прошедшем пережили многие растения. Такова крупка весенняя, иначе называемая былльник весенний, сухоребрица (*Hunger blumchen*, *La drave printannière*), маленькое однолетнее растение, принадлежащее к семейству кресто-цветных (имеют четыре лепестка), с белыми цветами лепестки разделяются вверху, плод – стручек, растет на песчаных местах (6 тычинок, из них две больше остальных). У крупки в настоящее время насчитывают до двухсот подвидов, очень сходных, но совершенно самостоятельных, которые поэтому могут быть рассматриваемы, как виды. К растениям, подобно крупке, недавно пережившим мутационный период, относят подорожники, ивы, шиповник, ежевику. В настоящее время, по Фризу, переживает мутационный период *oenothera lamarckiana* (ослинник, онагрик, ночная свечка, двухлетнее растение, семейство *onagraceae* или *oenotherae*). Около ста лет назад оно вывезено из Северной Америки и теперь распространилось по Европе. Есть виды *oenothera*, употребляемые в пищу, так, наприим., корень (такой же как у моркови) *oenoterabiennis* (которое разводится в декоративных целях в садах, благодаря своим желтым четырехлепестным, красивым и сильно пахнущим цветам). Фриз наблюдал *oenothera* в окрестностях Амстердама, он заметил появление у этого растения новых видов, перенес его в экспериментальный сад и в течение многих лет производил над ними наблюдения. Фриз сеял тысячами семена *oenothera*. В 1889–1899 г.г. из этих семян вышло семь новых видов: *Oen. gigas*, *albicla*, *lata*, *nanella*, *rubrinervis*, *oblonga* и *scillitans*. Последний вид наименее устойчив, только часть его семян воспроизводит новый тип. Важно здесь обратить внимание, что новый вид возникает не от одного какого-либо организма (*oenothera* имеет цветы двуполые), а от многих. Семена других растений дают тождественный новый вид. Отсюда следует, что *oenothera* в потенции заключает в себе возможные мутации в строго определенных направлениях.

Таковы факты, из которых исходит Фриз, и такова сущность его воззрений⁸¹. На основании своих наблюдений и опытов он пришел к заключению, что теория Дарвина не только утверждается благодаря игнорированию фактов, но что она обязана своим существованием и неверным наблюдениям, и неправильным аналогиям. Фриз – ботаник по специальности, но теория его имеет приложение не к растительному только, а ко всему органическому миру. Он указывает нам путь к разрешению многих недоумений относительно человеческого рода. С точки зрения Дарвина появление человека на земле есть акт неуловимый. Каждый последующий момент в истории животного мира неуловимо

отличается от предыдущего. Человека не было в начале какой-либо громадной геологической эпохи, положим: плиоценовой или постплиоценовой, в конце этой эпохи он явился. Медленность прогрессивного движения в животном мире кажется человеку совершенной неподвижностью. Точно также неуловимо, по Дарвину, развилась культура, образовались расы. Для истории человеческого рода некоторые охотно назначают миллионы лет (в 1906 г., например, явилась брошюра: Douze cent mille ans d'humanité). Наше христианское воспитание приучило нас смотреть на происхождение и судьбы человечества совершенно иначе. Нельзя сказать, что мутационная теория дает нам неопровержимые доводы для обоснования библейского повествования и для опровержения дарвиновской теории, но она во всяком случае показывает, что то, о чем повествует Библия, возможно, и что то, что утверждает дарвинизм, еще не есть действительно. Библия представляет нам появление человека на земле, как совершенно новый момент, новое явление в истории мира. Теория мутаций говорит: новые явления возможны. Библия представляет нам, что человек явился несколько с иной организацией, чем ныне существующие люди: человек жил в начале приблизительно девять сотен лет. Биология знает, что такое продолжительное существование организмов возможно (киты, предполагают, живут столько же), а мутационная теория утверждает возможность происхождения от таких долгоживущих организмов новых родов с гораздо меньшей жизнеспособностью. В Библии образование рас, народностей представляется совершающимся как-то неожиданно и незаметно. То человечество было едино и вдруг оно оказывается раздробленным на племена и государства. Мутационная теория утверждает безусловно возможность этого факта. Библия ход культуры представляет довольно быстрым; дарвинизм вопреки очевидности настаивал на его медленности. Говорим: вопреки очевидности, ибо достаточно сравнить состояние техники в конце XVIII и в конце XIX веков, чтобы видеть, какой громадный размах может совершить культура в течение одного столетия. Мутационная теория и здесь указывает дарвинистам на рискованность их тезисов.

Но мутационная теория Фриза допускает лишь малые размахи. Теория Дарвина, по Фризу, для истории органического мира требует два с половиной миллиарда лет. Его теория мутаций требует 24 миллиона лет. Это, конечно, во 100 с лишним раз меньше, чем дарвиновские миллиарды, но все-таки очень много. Фриз получает свою цифру таким образом. Если *oenothera lamarkiana* имеет 6000 признаков и в течение 4000 лет подвергся

мутации один признак, мы имеем для истории *oenothera*, а вместе с тем и для истории всего органического мира уравнение:

$$6000 \times 4000 = 24000000.$$

Это – биохроническое уравнение Фриза. Он дает такую общую формулу:

$$M \times L = VL$$

т. е. число мутаций, умноженное на среднее время между двумя мутациями равно биологическому времени.

Не трудно видеть всю произвольность фризовского уравнения. Две мутации и среднее время между ними, не только можно, но и должно предполагать, суть величины переменные. Ведь, медленные мутации Фриза происходили при неизменных геологических условиях, а эти условия, по воззрениям самого Фриза, менялись в прошедшем. Фризу нужны его миллионы для того, чтобы согласить свою биологическую историю с предполагаемой геологической. Но прочно ли установлены геологические цифры? Не придется ли и здесь в будущем производить сокращения подобные тем, которые Фриз производит в истории органического мира. Ведь, он сокращает эту историю в 104 раза. Что если и геологическую историю можно сократить подобным образом? Это предположение теперь может показаться нелепо еретическим, но может быть через два десятилетия оно не покажется таким.

И геологическая, и биологическая истории неизвестны человечеству. Несомненно, что теперешняя геологическая классификация имеет лишь провизорный характер и в нее не укладываются факты, что отметил еще покойный Лаппаран в своей работе *Les Surprises de la Stratigraphie* (Rev. d. Quest. scientif. Juillet. 1904). Истории органического мира, написанные доселе, даже не провизорны, а просто произвольны. Для естественной истории они, пожалуй, менее ценны, чем мифологии для изучения человеческой истории.

Кто знает, может быть предположение древних, что широкогрудая Геа–земля некогда пребывала в муках рождения и непосредственно из себя произвела различные роды сущего, кто знает, может быть это предположение включает в себе гораздо более истины, чем предполагалось доселе. Почему-то донныне исследователи не обращали внимания на следующее.

Если существует эволюция, то должно происходить с одной стороны вымирание существующих форм жизни, с другой – возникновение новых. Если нет эволюции, то должен происходить только первый процесс. Но человечество за все время своего не только исторического, а и

палеонтологического существования наблюдало только этот процесс вымирания. Никаких новых форм жизни не явилось на глазах человека, конечно, разумея под новыми формами не *oenothera lamarkiana*, а нечто более важное, но многие старые формы вымерли на глазах человека. Таковы: мамонты, пещерные львы, пещерные тигры и медведи, костистые носороги, гигантские олени, туры, морские коровы, птица моа и много других. Многие животные вымирают. Таковы: зубры, белые носороги, окапи. Есть серьезные основания утверждать, что в недалеком будущем должны погибнуть крупные хищники и многие толстокожие. Своеобразная фауна Австралии (утконос, ехидна) тоже едва ли долговечна. Смерть и умирание типичных форм наблюдает около себя человек, но природа не делает никаких намеков на то, что она находится в потугах рождения новых форм. Но если так, то очевидно, что в прошедшем форм промежуточных типов должно было быть более, чем в настоящем. Отсюда и следует, что палеонтология должна отыскивать переходные формы. Но как произошли эти формы, на самом деле не знает никто. Никто доселе не объяснил, как образовались человеческие расы. Для проверки предположенных гипотез имеются данные тысячелетий, но эти данные ничего не дали. Истории рас не существует, даже нет тени этой истории. Но если неизвестно, как произошли расы, то тем более с научной точки зрения неизвестно, как произошел человек.

7. Вопрос о побочных основаниях десцендентной теории

Теория, утверждающая происхождение высших органических типов от низших путем эволюции, не имеет для себя прямых оснований и не дала доселе правдоподобной истории ни одного рода. Она и апеллирует главным образом не к прямым, а к побочным данным. Поучительно рассмотреть эти побочные данные.

Прежде всего займемся рассмотрением данных, представляемых эмбриологией. Сущность оснований, заимствуемых эволюционистами из эмбриологии, состоит в том, что, так как онтогенический процесс (процесс индивидуального развития) отражает в себе процесс филогенический (процесс родового развития), и так как зародыш человека в различных стадиях своего развития бывает похож последовательно на различные животные типы, начиная от низших и восходя к высшим, то значит, от этих животных типов он и произошел. Но во 1) действительно ли онтогенический процесс служит отражением процесса филогенического, это еще не доказано. Существуют даже некоторые основания отрицать это, именно следующие: а) зародыш всякого животного в своем развитии бывает похож только на очень немногие формы низшие; между тем как по теории эволюции он должен бы был проходить бесчисленное количество низших форм. Далее, даже и с немногими-то формами его сходство бывает не безусловно, а ограничено только немногим числом признаков: походя в одном каком-нибудь отношении, положим, на рыбу, зародыш в тоже время имеет признаки исключительно присущие млекопитающему. По теории эволюции этого быть не должно. б) Процесс развития различных животных далеко не одинаков. Так все млекопитающие развиваются совершенно иначе, чем беспозвоночные. "У млекопитающих прежде всего появляется сердце, вскоре затем, артерии и вены, спустя немного, нервная система и, наконец, пищеварительный канал. У беспозвоночных порядок совершенно изменяется. Пищеварительный аппарат производится раньше органов кровообращения. Иногда случается, что их вовсе не бывает в течение долгого времени независимой жизни молодого животного вне яйца". (Катрфаж, *Метаморфозы человека и животных*, стр. 19). По теории эволюции следовало бы признать, что млекопитающие произошли не от беспозвоночных, но в таком случае от кого же? Вообще-то заметим, что чем дальше изучается эмбриология, тем более колеблется учение о

прохождении высшим животным в своем развитии форм, отражающих низшие. Учение Меккеля (своими соображениями по этому предмету, представлявшего прекрасные основания для Геккеля) утверждавшего (в 1812 г.), что каждый организм отражает в своем развитии все низшие формы, давно отвергнуто. Еще Бэр показал, что не все животные развиваются одним и тем же путем; исследования после Бэра еще более подтвердили утверждение последнего. 2) Но если даже допустить, что в развитии зародыша отражаются низшие формы, то и тогда здесь, собственно говоря, не много следует в пользу теории эволюции. Каждый высший организм обыкновенно представляет собой непосредственно низший + некоторый X. Развитие каждого организма, конечно, должно происходить в таком порядке, что сначала являются у него органы наиболее необходимые для жизни, затем менее необходимые. Понятно, что питание должно предшествовать ощущению и ощущение – мысли, существенное должно являться раньше несущественного и, главное, раньше деталей. Отсюда, естественно, зародыш высшего организма в известных стадиях развития должен отражать в себе низшие организмы, как отдаленные от него, так затем и ближайшие к нему. Но в действительности он бывает только похож на них, а не тождествен с ним: а) с самого начала, ведь, у него в семени заложен тот X, который отличает его от организма низшего; б) потому что он в действительности представляет собой не просто непосредственно низший его организм + X, а некоторое изменение этого организма + X. Эмбриология, действительно, и подтверждает это априорное соображение о зародыше. Но в таком случае, очевидно, эмбриология представляет собой весьма шаткую, даже, пожалуй, опасную (если принять во внимание сказанное под 1, а и б пунктами) опору для теории эволюции; и во всяком случае ее указания в решении вопроса о происхождении человека без подтверждения их другими данными не имеют значения. Обратимся к этим другим данным.

Эволюционисты указывают на рудиментарные органы, существующие у человека и представляющие будто бы собой бесполезное наследие, полученное от отдаленных животных предков. Но на самом деле происхождение каждого из рудиментарных органов у человека может быть объяснено совершенно иначе. Что касается будто бы рудиментарных мышц на лбу и ушных, то они, пожалуй, указывают, что люди, вообще, прежде двигали ушами и кожей на лбу, но, ведь, несомненно, в неблагоприятном для Дарвина смысле. Движение ушами, если могло быть полезно прежде животному предку человека или человеку, то только вертикальное, между тем как оно (как показывают мышцы) было только

горизонтальное, следовательно, бесполезное: движение кожи на лбу, понятно, не могло быть полезно ни для животного, ни для человека. Позволительно поэтому предполагать, что главное назначение этих мышц состоит не в том, чтобы сообщать движение, а в чем-то ином, что они играют какую-то доселе не выясненную роль в экономии организма. Маленький выступ на ушах, указанный Дарвину Уольнером, не представляет собой зачаточного органа. Исследования показывают, что у некоторых людей таких выступов бывает два. Объясняя как рудимент один выступ, мы обязаны также объяснять и другой выступ, но в таком случае падает теория Дарвина об остроконечных ушах наших предков. Не представляет рудимента и ушная раковина. Правда, не доказано, но можно предполагать, что она оказывает значительную услугу органу слуха, собирая звуковые волны и передавая их колебания окончностям слуховых нервов. Это предполагать можно, так как еще никто не доказал противного. Полулунная складка около века, в которой Дарвин хочет видеть остаток мигательной перепонки, на самом деле может иметь совсем иное значение в экономии организма. Видеть в чувстве обоняния рудиментарный орган по меньшей мере несостоятельно, во 1) потому что оно доставляет эстетическое наслаждение через восприятие ароматических запахов, во 2) потому что оно играет роль профилактического органа: оно удерживает нас от того, чтобы оставаться в испорченной атмосфере, сообщая о ее зловонии, оно удерживает нас, например, от употребления в пищу гнилой рыбы, возвещая о совершающихся в ней процессах разложения. Трудно объяснить существование волос на различных частях тела, но эта трудность еще не дает оснований утверждать, что они – рудиментарный орган. Существование волос на голове, у мужчин – бороды и усов доставляет эстетическое наслаждение (в тропических странах волосы защищают от зноя), брови охраняют глаза от разъедающего действия пота. Но зачем бывают волосы на груди, руках, ногах и т. д.? Атласистая голая кожа есть требование эстетическое, природа, однако, далеко не вполне удовлетворяет этому требованию. Какие условия заставляют ее не удовлетворять ему, когда и где появляется у человека наиболее волос на теле и при том волос шерстоподобных? Даем на это общепризнанный ответ словами Дарвина: "при условиях ненормального питания близ хронически воспаленных поверхностей». Этот ответ Дарвина едва ли особо благоприятствует его теории. У человека есть червеобразный отросток слепой кишки, по-видимому, не только бесполезный, но даже вредный, должно ли этот отросток считать рудиментарным органом?

Оснований для этого нет, ибо он может иметь какое-нибудь доселе невыясненное физиологическое значение; что же касается указываемого вреда от него, если попадут какие-нибудь твердые тела, то, ведь, с равным правом Дарвин и Геккель могли бы указать на вред от дыхательного горла, в которое, если попадет твердый предмет, то человек погибает неизбежно. Причину существования зачаточных женских половых органов у мужчин и мужских у женщин нужно видеть, как это показал Келликер, в двуполом размножении; ведь, известно, что зародыш в известный период развития бывает одинаков, как мужской, так и женской, половые органы не обозначаются ясно и только впоследствии или мужские или женские органы выделяются и развиваются окончательно. Другие органы (противоположного пола), остающиеся зачаточными, – удел всех позвоночных и однако, в развитом виде (за исключением аномалии) не существуют ни у одного позвоночного. Если бы эти зачаточные органы были рудиментарными, то они должны были бы иметь не ту форму, какую имеют теперь, а ту, в которой они существовали в отдаленные времена у отдаленных двуполых предков; однако этого нет, значит, они вовсе не завет предков потомству. Указывают на хвостец, существующий у человека и будто бы служащий напоминанием о том, что человек был некогда одарен хвостом, но можно, ведь, в нем и не видеть этого напоминания: может быть он нужен человеку для сообщения большей устойчивости его вертикальному положению (отодвигая к заду центр тяжести), может быть нужен для каких-нибудь других целей. Претендуют на то, что открыли рудиментарные остатки третьего глаза у человека. Чтение этого сообщения о третьем глазе невольно вызывает некоторое изумление перед той странной последовательностью развития органа, которую намечают сделавшие открытие Кармельт и Varignè. У рыб глаз не обнаруживается ясно, у земноводных тоже не обнаруживается, у пресмыкающихся заметней всего, у млекопитающих остается какая-то шишка, очень маленькая. Каким же образом шло развитие этого органа? Ведь, если он исчез у млекопитающих, то самые слабые следы его должны быть у пресмыкающихся, более заметные у земноводных, еще более заметные и, может быть, даже прямо самый орган у рыб. Но на самом деле мы видим, развитие органа, шло по какой-то волнообразной линии, да вдобавок самого-то органа, ведь, нигде и ни у кого не нашли. Относительно этого, как его называют, пинеального глаза образовались различные мнения и возникли споры (Лейдига и Лейденфельда), которые пока совершенно устраняют возможность ссылаться на этот спорный орган в доказательство истинности эволюционной доктрины. (Dollo,

L'ooil. pinéal. Rev. Quest. Scient. 1888. Janvier. p. 336).

Подведем итог всему сказанному о так называемых рудиментарных органах: 1) значение некоторых из них, напим., хвоста, лунообразной складки около глаза, некоторых мышц для нас не совсем ясно; тем не менее, мы имеем основания предполагать, что они имеют значение в животной экономии, только ускользающее доселе от наших наблюдений, это предположение во всяком случае не менее вероятно, чем предположения Дарвина; 2) в некоторых из них, пожалуй, можно предполагать рудиментарные органы; по Дарвину, можно так смотреть на орган обоняния у дикарей, что, однако, будет свидетельствовать только о том, что эти дикари произошли от более совершенных предков; 3) некоторые так называемые рудиментарные органы на самом деле представляют собой патологическое явление.

Третий ряд фактов, которые будто бы, по утверждению эволюционистов, представляют собой подтверждение их теории, суть явления атавизма. Сущность этих явлений состоит в том, что являются иногда у людей признаки и органы животных. Но кажется, даже признавая гипотезу Дарвина справедливой, нельзя видеть в приводимых им и другими примерах действительно то, что они понимают под атавизмом, нельзя видеть в них возвращения к первобытному типу. Возвращение к типу предков, действительно, бывает. Рождающиеся дети иногда бывают похожи не на родителей, а на более отдаленных предков: деда, прадеда и т. д.; но может ли атавизм заходить далее, это не доказано. Факты, отмечаемые Дарвином и другими эволюционистами, имеют причину свою не в предках, а совсем в других обстоятельствах. Дело в том, что в зародыше, под влиянием еще далеко не выясненных условий, один орган может развиваться далее нормальной величины, другой – не доразвиться. Так являются микроцефалы – люди с весьма малыми головами, так являются хвостатые люди вследствие того, что хвостец их продолжал развиваться дальше, чем следует. Отчего это так? Мы не пытаемся представить естественно-научного объяснения этого факта, но постараемся только показать его возможность некоторой аналогией. Существуют в организме так называемые фагоциты – клетки, пожирающие другие около них лежащие клетки и вырабатывающие из них новые органы. Так, например, у взрослой лягушки исчезает хвост через поглощение его фагоцитами. У человеческого зародыша в известной стадии развития хвостец выступает далеко наружу, в дальнейшем излишек его исчезает, может быть, его поглощают клетки, подобные фагоцитам; представим себе, что вследствие какой-нибудь болезни действие этих

клеточек парализуется, тогда хвостец остается сильно развитым, и человек рождается с хвостом.

Относительно хвостатых людей нужно, впрочем, заметить еще, что доселе не доказано, чтобы они действительно были. Там, где хвостатость была тщательно исследована, оказывалось, что органы называемые хвостами, на самом деле представляли собой болезненное образование иного порядка. Так в конце 1874 г. Вирхов получил от главного врача греческой армии письменное сообщение о некотором человеке и с фотографией его, показывающей, что он обильно покрыт шерстью в области крестцовой кости. Для главного врача этот человек являлся истинно, как *homo caudatus*. Вирхов уже готов был опубликовать сообщения о новом случае умножения и свободного выступления спинных позвонков, но полученное в это же утро новое сообщение удержало его от этого. В Берлине на секцию было представлено женское тело, имеющее на оконечности спины значительно выступающее вперед место, покрытое волосами. Точное исследование показало, что здесь был случай так называемой *Spina bifida occulta*, не имеющий ничего общего с атавизмом. Мнимый придаток был только болезненным образованием и развитием родимого пятна, сильно выдвинувшегося и обильно покрытого волосами.

Что касается до волосатости людей, то в ней по самому учению Дарвина позволительно видеть ненормальность, но – главное – самый характер ее совершенно отрицает атавизм. У бирманского семейства волосы были особенно обильны и длинны на лице; каким же образом это явление представляет возвращение к обезьяньему типу, когда у обезьян волосы на лице отсутствуют, да и вообще нет никакого животного, и никто не знал такового в прошедшем, у которого косы спускались бы со щек. Наконец, волосатость у бирманского семейства соединялась с крайне слабым развитием зубов; а слабые зубы далеко не признак атавизма. Что касается до волосатой девочки Крао, то хвоста у нее, приписываемого ей ее антрепренером, не было, сама она по своим способностям стояла выше многих детей ее возраста: она была девочкой с хорошими способностями. Волосатость ее представляет случай *hypertrichosis universalis* и объяснение ее должно искать не в атавизме, а в условиях зачатия и утробного развития Крао. Приводят пример людей, напоминающих собой овцу, гуся, зайца и т. д. Рассказывают, например, об "одной идиотке, которая имела отвращение от мяса, ела с жадностью растительную пищу, не пила ничего, кроме воды. Выражения ее чувств – радости или тревоги – ограничивались повторением звуков – бе, ма, ба. Сидела и спала она постоянно на полу, а когда упрямылась или хотела выразить неудовольствие, то пробовала

бодаться. Спина и плечи ее были покрыты мягкими, черноватыми волосами, а в форме ее головы было будто бы нечто овечье. Другой подобный пример приводит известный психопатолог Маудсли, именно девочку-идиотку, которая по наружности и повадкам имела некоторое сходство с гусем, почему сиделки в доме умалишенных прозвали ее "ощипанным гусем". Голова у нее была маленькая, волосы жидкие с небольшой лысинкой на маковке, глаза большие круглые. Нижняя челюсть представляла некоторое сходство с клювом, шея была необыкновенно длинна и гибка и могла, загибаясь назад, касаться спины между лопатками. Кожа ее представляла сходство с гусятиной, именно только что ощипанной, а высунувшиеся нижние углы лопаток похожи на зачатки крыльев. В радости девушка эта гоготала, как гусь, при неудовольствии шипела, а разсердившись била себя руками по бокам или топала ногами. Сама она не могла есть, но жадно глотала все, что клали ей в рот. Она страшно любила купаться и, когда ее сажали в ванну, громко хохотала от радости". Рассказывают много других подобных случаев. Что означают они? Принимая во внимание тот несомненный и для Дарвина и для других факт, что в числе предков человека не было ни овцы, ни гуся, должно признать, что причина рождения людей с признаками и свойствами животных кроется не в атавизме, который не может здесь иметь места, а в чем-то ином. Думаем, что причины таких уродств у тех или у других субъектов нужно искать не в далеком прошлом, а в некоторых обстоятельствах, имевших место во время беременности их матерей.

В ряду явлений атавизма особенно сильное внимание было обращено на микроцефалию или малоголовость. Фогт написал целую книгу о малоголовых (переведена на русский язык). Нельзя оспаривать значения и достоинств этой книги, содержащей в себе массу фактов, исследований и наблюдений весьма важных для врача и антрополога, но должно решительно утверждать, что она не представляет никакого довода в пользу теории происхождения человека от обезьяны. Стремление сделать эту книгу одним сплошным аргументом в пользу известной теории, только много повредило книге. Ради своей цели Фогт жертвует правдой, это побуждает к осторожности при обращении с его книгой. Так сознательно или бессознательно, но о мозге микроцефалов он говорит неправду. Мозг микроцефалов, правда, отличается от мозга человеческого, но не приближается к обезьяньему. Отсутствие симметричности в извилинах обоих полушарий, отсутствие наружной затылочной перпендикулярной борозды и так называемого *operculum*, все это далеко не напоминает обезьян. Точно также строение и изгиб основания черепа, отсутствие

черепных гребней и строение костей лица выказывает (как и все прочее тело) совершенно человеческие признаки. Фогт не исследовал сам мозг микроцефалов, он удовольствовался изучением слепков и наблюдениями других анатомов, но те, которые занимались таковым исследованием, пришли к указанному заключению о несходстве микроцефалов с обезьянами. Вот имена этих анатомов: Маршал, Лушко, Ленхосеж, Эккер, Мержеевский, Зандер, Шпеле, Бишов, Вирхов и др. По мнению всех этих анатомов явление микроцефалии представляет собой не атавизм, а следствие остановки развития мозга в зародыше. Но не независимо от этих фактов представляется в высшей степени странным, как Фогт или кто-либо другой мог видеть в микроцефалах портреты своих предков. 1) Микроцефалы-идиоты, неспособные поддерживать собственное существование. Неужели можно допустить, чтобы в ряду наших предков были такие. Если бы действительно были такие, то нас бы не было. 2) Все микроцефалы не способны к продолжению рода. Как же от таких предков могли бы явиться мы? Микроцефалы, это – уроды, подобные двуголовым и тому подобным тератологическим субектам. Если судить по этим исключениям о нашем прошлом, то должно было бы допустить, что в ряду наших предков были обладающие и двумя головами и шестью или семью конечностями, и все это в недалеком расстоянии от нас между высшими позвоночными.

Вся эта теория побочных данных имеет в своей основе чрезвычайно странные предположения. Ею предполагается, что организмы без всякой пользы или даже со вредом для себя повторяют в своей жизни историю жизни своего рода. Ведь, что-нибудь из двух: или человеческому зародышу на известной стадии его развития нужны жаберные щели или не нужны. В первом случае не нужно обращаться к истории рода, а нужно объяснить, как наличные факторы удовлетворяют нужду зародыша в жаберных щелях. Во втором случае мы получаем смелое и очень рискованное утверждение, что зародыш развивается нецелесообразно. Но если даже принять и это, то все-таки индивидуальное развитие должно быть истолковываемо из наличных факторов развития, а не из истории рода. Апелляция к истории есть на самом деле отказ от объяснения. Затем теорией побочных данных предполагается, что природа снабжает организм ненужными или даже вредными для него органами (нефункционирующими мышцами, опасным чревообразным отростком) и это происходит всегда при условиях нормального развития. Получается, что нормы природы ненормальны. Да простят мне великие защитники дарвинизма, сколько бы ни считалось между ними гениальных ученых, я

все-таки скорее поверю природе, чем им, и решительно утверждаю, что обвинения возводимые ими на природу обуславливаются тем, что они ее не знают. Не умея определить значения того или иного органа в развитии или экономии организма, они говорят, что он не нужен. При таком отношении к фактам, пожалуй, много ненужного окажется на свете. Наконец, в теории атавизма мы встречаемся с мистическим элементом в дарвинизме. Оказывается, организм в скрытом состоянии носит в себе все свойства и качества своих прабабушек и прадедушек и при благоприятных обстоятельствах может передать их потомству так, что они станут явными, как и были у предков. Каким безконечным наследством, оказывается, владеют организмы, не пользуясь им и даже не подозревая о его существовании! Все это слишком сложно, произвольно и представляет природу действующую очень неразумно. Прежде каждое научное открытие вызывало удивление перед премудростью законов природы – их простотой и целесообразностью. Теория побочных данных устанавливает новый взгляд на природу. Эта теория уподобляет ее фантастически глупому архитектору, который, взявшись построить на месте хижины дворец (вместо ланцетика человека), весь грубый и непрактичный материал хижины присоединил бы к мрамору и бронзе дворца. Таких нелепых архитекторов не встречается и между людьми, а природа во всяком случае архитектор более премудрый, чем кто-либо из архитекторов.

8. Религиозная сторона вопроса о происхождении человека

Есть люди, которые хотят разграничить, как несоприкасающиеся области, религию и науку и есть люди, которые таким же образом хотят разграничить религию и жизнь. Первые говорят: областью религии служит непознаваемое, наука занимается познаваемым, они не должны поэтому .сталкиваться между собой и если такие столкновения происходили и происходят, то это – плод печального недоразумения. Вторые говорят: религия есть частное дело каждого, общество не должно ни поощрять, ни преследовать религиозных верований, не должно и считаться с ними в своих законах и постановлениях. Так и первые, и вторые хотят сделать из религии что-то вроде безвредного фантазирования, они хотят допустить ее существование у некоторых в виде какого-то придатка, ценность и значение которого равна нулю. На самом деле таким бесполезным и невесомым балластом религия никогда не была и не будет. Умные люди всегда понимали это. Т. Гоббс (1588–1679), религиозность которого весьма сомнительна, боялся религии, как силы, с которой постоянно приходится считаться и трудно справиться государству. Не должно быть, рассуждал он, свободы в сфере религиозной, таковая может вести только к бедствиям. Так, при различии религиозных воззрений представитель власти может потребовать от гражданина чего-нибудь такого, что последнему представится грехом (присяги, участия в военной службе). Возникают несогласия, раздоры, которые многократно вели к междуусобиям и войнам. Нет такого догмата, относительно которого нельзя было бы спорить, отсюда при разделении светской и религиозной власти всегда неизбежны конфликты. Римский папа всегда может потребовать от английского гражданина противного тому, что требует от него король. Что было во дни Гоббса, то будет всегда. Религиозные убеждения одного не позволят ему прикоснуться к чужой собственности, а религиозным исповеданием другого в то же время может быть, что собственность есть кража. Отделение церкви от государства не решает вопроса. И после отделения церковь остается не как Privatsache, а как Status in statu; отсюда понятно стремление противников церкви не отделить только ее, но и уничтожить; отсюда – борьба. Это – в области практической; то же самое имеет место и в области теоретической. Наука о религии – богословие отрицает самодостаточность или самобытность мира. По представлению многих натуралистов, свойства мира в настоящем указывают на его вечное

существование в прошедшем, и это прошедшее можно точно так же восстанавливать научно, как и предсказывать будущее. Далее, богословие учит о провидении, которое может изменять, преобразовывать и возвышать строй мировой жизни для высших целей. Подобно тому, как человек вносит изменения в естественную жизнь природы, так Бог преобразует природу, смотря по тому, что наиболее полезно для человека. Это промышление о мире обуславливается тем, что мир не есть мертвый механизм, но в нем живут свободные твари, действия которых нельзя всецело истолковывать из предшествовавших условий, но которые в некоторой сфере являются первопричиной явлений, как Бог есть первопричина их бытия. Наконец, богословие сообщает многое о прошедшем и о конечном будущем, – эти сообщения, говорят, стоят в противоречии с тем, что открыла наука относительно прошедшего и что она предвидит относительно будущего. Так рассуждают многие натуралисты.

Конфликты между религиозными верованиями и научными воззрениями существовали всегда. Китайский мыслитель Ян-Чжу еще до Р. Х. подрывал религиозное учение Конфуция. В Индии философия Бригаспати находила несовместными научные данные о природе с браминским богословием. В III в. по Р. Х. неоплатоник Порфирий настаивал на научной несостоятельности христианства, то же самое в IV в. повторял Юлиан. В новое время конфликт между богословием и наукой возник с появлением теории Коперника и крайне обострился в эпоху Галилея. Галилей пытался устранить обвинение его в ереси двумя, по-видимому, взаимно исключаящими себя рассуждениями. С одной стороны, он утверждал, что Св. Писание учит так же, как и он (земля в Писании называется повешенной, недержимо тяготеющей), и что, следовательно, прежние толкования Писания не правильны; с другой стороны он говорил, что Писание назначено только для спасения души, что оно не может служить авторитетом для науки, и последняя не должна зависеть от него. По-видимому, что-нибудь одно: или нужно настаивать на согласии своего учения с писанием или на том, что такое согласие совсем не требуется. Галилей настаивал на том и на другом. Позволительно думать, что им при этом руководило инстинктивное чувство истины. Всякое учение, если оно истинно, непременно должно быть в согласии с духом Богословия и Писания, раз мы верим, что таковые содержат истину. Но вопрос о согласии результатов опытного знания с буквой Писания не может иметь для себя такого простого решения. Библия излагает учение истины не ученым языком, а "для мудрых и простых вкупе», языком

эпохи, применительно к представлениям времени. В Библии есть и человеческий элемент. С другой стороны, Библия во всем своем объеме есть божественное учение, поэтому в ней могут предлагаться только такие представления о природе, которые по существу непременно согласны с истиной. Имея все это в виду, должно признать, что не всегда вопрос об отношении Библии к новым учениям может быть решаем скоро и просто. Человек ограничен и его суждения о Библии и законах природы часто оказываются погрешительными. Чем тверже мы будем признавать святость Библии, чем больше мы будем любить исследования, и чем большую терпимость мы будем проявлять к мнениям, не согласным с нашими собственными, тем скорее во многих случаях мы придем к единению с нашими противниками в истине и любви. Так разсуждаем мы с точки зрения веры, но на какой точке зрения ни стоять, должно признать неизбежность конфликтов и об этом нужно не скорбеть, а этому нужно радоваться; негодовать здесь решительно не на что. Факт конфликтов указывает на возможность проверки религиозных учений научными исследованиями. Те, кто отрицает религию, должны надеяться, что наука развеет религиозные заблуждения. Признающие религию истиной верят, что в конце концов наука подтвердит их веру. Всякий конфликт между верой и научной теорией может иметь три исхода: 1) или новая теория окажется несостоятельной, или 2) религиозное учение будет отвергнуто во имя теории или 3) будет признана их совместимость. Но взаимной независимости у религии и науки не может быть.

Это признавал и Дарвин. Он находил, что его теория несовместима с верой в провидение и отвергнул вмешательство Бога в процессы мировой жизни. Это он высказал уже при опубликовании своей книги о происхождении видов. Поставив вопрос о происхождении человека, он отлично понимал, что поднимает множество вопросов. Человек владеет языком, разумом, нравственным чувством, поэтому в вопрос о происхождении человека входят вопросы о происхождении языка, разума, нравственности и религии. Васманн говорит не новость, когда указывает на психологическую сторону проблемы. Дарвин и обсуждал ее и с зоологической, и с психологической стороны.

Но обыкновенно так бывает, что для людей те вопросы, в которых они наименее сведущи и которыми наименее занимались, представляются самыми легкими. Так это было и с Дарвином и с его последователями. Над атомическими особенностями берцовой кости человека они ломали голову гораздо больше, чем над вопросом о происхождении религии. Последний им представлялся очень простым и легким. Но он не прост и не легкий. В

конце концов в вопросе о происхождении человека, думаю, все одинаково трудно и при настоящем знании неразрешимо. А относительно теории эволюции я полагаю, что она в настоящем виде делает не шаг вперед в вопросе о происхождении животных и человека, но отступает далеко назад.

Эволюционное представление процесса мировой жизни не ново, оно насчитывает за собой тысячелетия. Объясняя мир по аналогии с собой, человек естественно должен был представить, что мир постепенно развивался, как постепенно развивается он. Но развитие человека совершается под воздействием старших, и древний человек представлял, что и развитие мира совершалось под воздействием богов. В древнейшей из известных нам космогоний – вавилонской, мы находим такую историю мира. Когда было устроено небо, нужно было населить землю. В этом деле приняли участие многие боги. Но первые опыты творения были неудачными. Новосозданные твари не могли выносить ни света, ни воздуха (жили в воде?). Тогда Бел разрубил себе голову, его божественная кровь была применена к материалу творения и сообщила тогда созданным животным и людям способность сопротивляться действию стихий. Люди сначала жили в диком состоянии. Они существовали подобно скотам без нравственности и без законов. Бог Еа возвысил людей до культурного состояния. Он проходил среди людей, никогда не принимая пищи, уча их письму, наукам и всем полезным искусствам: искусству строить города, воздвигать храмы. Он учил людей геометрии, законам, умению сеять и возделывать, вообще всему тому, что составляет культуру.

Финикийская космогония в своей сидонской версии повествует следующее. В начале был хаос (Вогу), и хаос был мрачный мятущийся, и Дыхание (Руах) носилось над хаосом. И хаос не имел предела и он так существовал в течении веков и веков. И Дыхание возлюбило свои собственные начала, и произошло их смешение, и это смешение было названо желанием (Шефет). И желание было причиной всего, и Дыхание не знало своего собственного создания, и Дыхание и хаос смешались, и родился Мот (ил или вязкая тина), и из него вышли все семена творения, и Мот был отцом всего. Мот имел форму яйца. И солнце, и луна и звезды и великие созвездия засветили на небе. Тогда явились существа, у которых не было чувств и от них произошли существа разумные, и их назвали Тсофесамим (созерцающие небо). Началась борьба элементов, которые стали разделяться между собой. Раскаты громов разбудили разные существа, которые были как бы во сне, и тогда мужские и женские существа стали двигаться по земле и по морю. И Дыхание родило

северный, южный, восточный и западный Ветер. Хаос и западный Ветер соединились и они произвели Улома (время) и древнего (Кадмон) и эти произвели потомство (толедет) и население (моледет), которые населили Финикию и почитали солнце под именем Ваала–Самим, как владыку небес. Улом и Кадмон родили сыновей, имена которых суть: свет, огонь и пламя, они ввели употребление огня путем трения одного куска дерева о другой. От них явились на земле сыновья-гиганты (рефаимы), которые назывались Кассий, Ливан. Антиливан и Фавор. От этих родились Самемрум (поднимающийся до небес) и Узо (косматый). Самемрум жил на острове Тире, где изобрел искусство строить хижины из камыша и папируса. Брат его Узо, живший несогласно с ним, изобрел приготовление одежд из шкур животных. Узо был первый пустившийся в плавание. От молнии произошел пожар в лесу, покрывавшем остров Тир. Срубив одно пылавшее дерево и бросив его в море, Узо увидел, что оно не тонет, что навело его на мысль об устройстве плотов и судов для плавания. Самемрум имел сыновей и дочерей, из этого племени произошел Сидон, который изобрел рыболовство и охоту и был отцом сидонян⁹¹.

Не будем смущаться мифологическими образами и фантастическими подробностями вавилонских и финикийских сказаний. Обратимся к тем идеям, которые они в себе заключают. Мир развивался постепенно, в своем развитии он шел от неприспособленного к приспособленному, от нецелесообразного к целесообразному, от безразумного к разумному, от некультурного к культурному. И человек в этом процессе направлялся *per aspera ad astra* Божеством. В дальнейших сказаниях о первоистории человечества мы и находим, что лучшие люди, например, Самас-Напистим у вавилонян, в конце концов приобщались к сонму бессмертных. Таким образом эволюция человечества своей конечной целью имеет поднятие человека до Божества. Так смотрели древние. Теперь посмотрим, какой смысл усвоит эволюционному процессу новейшая теория. Куда идет человек? На этот вопрос дарвинизм может отвечать различно, но какой бы ответ он ни дал, ответ всегда будет неутешительным. Дарвинизм может сказать, что человек никуда не идет, потому что в природе нет целей, мир существует вечно, живущее пользуется жизнью и только, Дарвинизм может сказать, что неизвестно, куда идет человек. Как будто он совершенствуется, но этот процесс совершенствования является в некоторой мере обеспеченным, пока человек есть существо наиболее приспособленное к среде. Среда может измениться; для этого достаточно небольших перемен в составе воздуха и человек погибнет. Может человек погибнуть от голода, холода, жары,

микроорганизмов, может погибнуть вместе с землей. Вообще будущее ему необеспечено. А если он и не погибнет, то и счастье ему не обеспечено. В борьбе за существование, установил Дарвин, выживают наиболее приспособленные.. Этот тезис сам по себе неясен, потому что на вопрос: какие организмы нужно считать наиболее приспособленными? можно получить ответ: те, которые выживают. Пытаются дополнить Дарвина: в борьбе за существование торжествует высшая сила. Под высшей силой, по-видимому, разумеют силу разума. Хотят, по-видимому, этим сказать и то, что торжество в конце концов принадлежит высшему, высшим организмам. Так ли? С точки зрения дарвинистов (по моему мнению совершенно ложной) человекообразные обезьяны по своему интеллекту возвышаются над остальными животными. Допустим, что дарвинисты правы. У них получится, что высший интеллект гибнет, а существа с мышинным разумом плодятся и множатся. Вымирают и низшие человеческие племена, а они несомненно имеют более разума, чем обезьяны и слоны. Несомненно и то, что вымирают вообще высшие организмы, а не низшие. С точки зрения теории Дарвина все задачи организма сводятся к двум: 1) самосохранению и 2) продолжению рода, причем вторая задача является важнейшей и существеннейшей. Вся система органов, вся сила способностей, у человека – религия, искусство, все это только модифицированные и порой патологические проявления инстинктов самосохранения и размножения. Но тогда человек не наиболее совершенный, а наименее совершенный организм. Наиболее совершенным организмом будет тот, который с наименьшей затратой сил достигает тех же целей, как и человек – сохраняется и размножается. Такие организмы нужно искать не вверху, а внизу биологической лестницы. Представим себе червей-паразитов (наприм., трематод), которые живут в питательной среде, все тело которых представляет аппарат для питания и которые кроме органов питания имеют лишь органы размножения. У человека наука, искусство, религии, право, все, ведь, это в сущности служит лишь для сохранения и продолжения рода, да еще иногда служит не совсем хорошо. Таким образом здесь для достижения цели затрачивается громадное количество энергии, наши черви-паразиты для достижения той же цели почти не тратят энергии. Вообще принято считать, что тот механизм выше, который тратит меньше сил, чем другой, служащий тому же самому делу. Поэтому трематоды должны быть поставлены выше людей. Представляющееся одно возражение, что организм человеческий служит многим и разнообразным целям, устраняется тем, что при ближайшем рассмотрении оказывается, что эти цели суть средства для

достижения той, которой прямо и непосредственно достигает организм трематод.

Таким образом оказывается, что с точки зрения дарвинистической теории идеал приспособленнейшего существа, к которому должно стремиться человечество, лежит не впереди, а сзади. Его нужно искать, скажем мы, еще гораздо ниже, чем между трематодами. Трематоды – черви, а тип червей в биологической лестнице занимает, сравнительно, довольно высокое место. Если мы спустимся ниже, то там мы найдем еще более простые и более просто достигающие целей бытия организмы. Таковы, например, фораминиферы. Это одноклеточные организмы микроскопической величины с протоплазматическим телом – полужидкой, полутвердой консистенции, постоянно меняющей форму. Они питаются, обволакивая протоплазматической сетью маленькие растительные организмы, все тело их при этом служит и ртом и желудком и анальным отверстием, через которое выбрасываются остатки пищеварения. Размножение фораминифер происходит таким образом, что одна фораминифера распадается на несколько. Таким образом еще оказывается, фораминиферы бессмертны: сохранение индивидуального и родового бытия достигается здесь наилучшим образом. Остается только удивляться, почему вся органическая жизнь на земле не существует в таких или аналогичных таким формам, в каких является жизнь фораминифер. На самом деле в далеком прошлом согласно теории эволюции было время, когда все организмы были таковыми, т. е. подобными фораминиферам. Какая же причина заставила эти организмы эволюционировать, т. е. ухудшаться, ибо теперь оказывается, что раз организм становится сложнее, то он становится менее совершенным. Причина эволюции фораминифер неизвестна. Да, на самом деле если бы фактором эволюции было переживание приспособленнейших к существованию, никакой бы эволюции и не было.

Дарвинизм включает в себе два взаимно уничтожающие принципы: 1) принцип прогресса и 2) принцип, отрицающий пользу и смысл прогресса. С одной стороны дарвинизм говорит, что человек поднялся до настоящей ступени развития из животного состояния, с другой он должен признать, что человека нельзя рассматривать как существо наиболее приспособленное и что из того, что человек поднялся, все равно ничего не выйдет: человеку не подняться до неба, потому что неба нет, человеку не овладеть истиной, не овладеть бесконечностью, потому что существование человечества временно. Нельзя утешать себя и тезисом Ницше, что человек есть мост, а не цель, человек должен создать сверхчеловека. Тогда

и сверхчеловек окажется мостом между человеком и сверхсверхчеловеком. Развивая это положение, оглядываясь на прошедшее и рисуя себе образы будущего, мы получим, что все существа прошедшего и будущего суть мосты между монерой и каким-то проблематическим совершенством. Но мы не можем мечтать, что в будущем явится нечто столь совершенное, чего никогда не было. Процесс эволюции совершается от вечности и он дал все то, что мог дать.

Дарвиновская теория представляется мне ниже эволюционных теорий древности, потому что в последних, как цель эволюции, мыслилось поднятие человека до Божества: у Дарвина человек поднимается в пустоту и поднимается только за тем, чтобы рано или поздно под воздействием физических факторов рухнуть оттуда.

Это соображение может не иметь силы для многих дарвинистов, потому что они охотнее признают, что мир бессмысленен, чем то, что они ошибаются. Но Вассман и Лабош с этим соображением должны считаться. Лабош полагает, что человек до падения был изъятием из мирового порядка. То же самое предполагает и Вассман, допуская животное происхождение человеческого тела. Ход мирового развития был дарвинистическим, но для одной телесной формы было сделано исключение, ей были сообщены новые силы для всегдашнего и блаженного существования. Если бы дело заключалось только в том, что животному телу к имеющимся его свойствам были прибавлены новые, тогда, пожалуй, допущение Вассмана мыслилось бы возможным, но на самом деле это не так. По Вассману и Лабошу, как по Дарвину, организмы обладают наследственностью, и эта наследственность далеко не идеальным образом влияет на душу. Таку наследственность должен был получить от своего животного тела человеческий дух. Но если так, то значит, он явился на землю с наклоном к падению. Вассман и Лабош не допускают этого. Тогда мы получим, что у животной природы первого человека или первых людей произошел разрыв с животной природой его или их предков. А если так, то значит, тело первочеловека не было продуктом животной эволюции. Эта эволюция дает только продукты наследственности, а здесь нужен был организм, ее не имеющий. Нельзя также понять, как и когда свободоразумная душа вошла в тело, произведенное животными родителями? Как мать горилла нянчила сына человека? И что же: этот ребенок был единичным явлением или сразу явился род homo, изъятый от подчинения общим законам бытия?

Все это очень путано и гораздо замысловатее и неудобовосприимчивее, чем теория Дарвина и повествование книги Бытия. По

Дарвину, человека не отделяет от животного никакая бездна, эволюция совершалась постепенно, никакая обезьяна не родила человека, но путем медленного, не могущего подлежать непосредственному наблюдению прогресса обезьяна поднялась до человека. Ничего в ней не трансформировалось и ничего нового в нее не вошло, она только медленно развивалась и усовершенствовалась. По Библии человек явился сразу, как новый и совершеннейший тип жизни, которому должно было подчиниться все живое. Библейский рассказ, вызывая много недоумений и вопросов, заключает в себе много весьма определенного. Церковное сознание всегда понимало его так. Все существовавшее и существующее человечество произошло от одной четы, даже от одной крови (ἕξ ἑνός αἵματος), созданной непосредственно Богом. Первозданная чета была вызвана к бытию, чтобы "познавать Бога, прославлять Его и через то вечно блаженствовать», но она не устояла в добре, подпала греху, а вследствие этого проклятию и смерти, причем грех, проклятие и смерть должны были стать уделом и всего последующего человечества. Однако, уже немедленно после падения первых людей при самом обречении человечества на страдания было даровано людям обетование искупления и спасения в семени жены. Это семя жены – Христос, Сын Божий, средоточие всемирной истории, Он искупил Своей жизнью, страданиями и смертью грехи человечества и создал церковь, предлагающую спасение всем, ищущим спасения. Церковное понимание теснейшим образом соединяет эти три факта: творение, падение и искупление человека, объемля ими весь смысл и всю сущность истории человечества. Учение о творении открывает человеку его происхождение, устанавливает равенство и братство всех людей, объясняет причину хороших и высоких свойств в человеке (источник темных свойств указывается в факте падения); отвергнуть это учение, по-видимому, возможно лишь в том случае, если отвергнуть и учение о падении и искуплении, как им обусловленное, т. е. в том случае, если отвергнуть все вероучение христианства.

Но это учение церковь не облекла в формулы, утвержденные вселенскими соборами. Это открывало широкий простор в деле толкования библейского текста и более, чем за полторы тысячи лет до Дарвина и Васманна церковными писателями предлагались теории, по-видимому, очень удобно совместимые с обезьяной. Эти теории исходили из того, что первые три главы только аллегорическое повествование о чем-то таком, что собственно совершенно не соответствует описываемому. Такие взгляды развивала александрийская школа. В наиболее резкой форме мы находим их выраженными у Оригена. Он признает

предсуществование душ человеческих и домирное их падение. Этот видимый мир возник тогда, когда невидимый утратил свою первоначальную чистоту, падшие души были введены в этот мир и вступили в мучительный союз с материей. Если прибавить к этому, что Ориген признавал бессмертную душу у животных, то для желающих является полная возможность примирять учение христианское с теорией эволюции. Человек, по Оригену, мог произойти и от обезьяны, он мог сначала быть диким, не знающим религии и морали, малоспособным, ибо он уже раньше утратил чистоту не здесь, на земле, а на небе. У св. Григория Нисского, хотя в весьма сдержанной форме мы находим, однако, в некоторых пунктах приближение к этому учению Оригена. Св. Григорий в трех первых главах Библии видит аллегорию. Он приводил и доказательство своего взгляда. Например, во 2 гл. 9 ст. Бытия говорится, указывал он, что посреди рая находились древо жизни и древо познания добра и зла, но в одном и том же центре не может помещаться двух предметов, следовательно, это должно понимать иносказательно. Дарование Адаму и жене его после падения кожаных одежд Григорий толковал в том смысле, что падшие души были облечены в тело. Взгляд на возможность аллегорического понимания первых трех глав не исчез совсем и в последующее, и даже в наше время. Но признавая то, что многие державшиеся его были глубоко благочестивыми христианами и замечательными мыслителями своего времени, должно утверждать, что этот взгляд совершенно несогласен с духом Библии. Прежде всего он разрешает в ничто библейское повествование: 1–3 главы – аллегория. Как понимать аллегорию? Можно, конечно, тысячью различными способами, но где критерий, что избранный нами способ будет наилучший? В сущности должно принять, что при таких условиях человечеству не суждено уразуметь первых глав Библии, если не будет дано свыше нового откровения. У нас исчезает откровение о прошедшем. Затем этот взгляд стоит в противоречии с взглядом богодухновенного автора, смотревшего на свою книгу, как на историю, а не как на аллегорию. В последней части своей книги Моисей говорит о событиях, отстоявших недалеко от того времени, в которое он жил, о событиях чисто исторического характера; но эти события у него непрерывной нитью связаны со всем предшествовавшим; что же, ужели он к историческому заключению присоединил неисторическое начало? Далее у Моисея приводятся многие генеалогические таблицы, по этим таблицам многих лиц можно провести от Моисея до Адама. Какой же был бы смысл, и как их можно бы было выдумать Моисею и зачем, если бы они по его предположению не

соответствовали действительности? Наконец, самый тон повествования, частые ссылки на творение человека, как на факт, все это ясно и несомненно показывает, что Моисей в повествовании 1, 2 и 5 глав своей книги видел историю, а не аллегорию. Так смотрели на повествование о сотворении и на первоисторию человечества и последующие священные писатели. Мы встречаем опять упоминание Адама, как прародителя всего человечества (1 Паралип. 1, 1), в Евангелии св. Луки родословие Господа возводится к Адаму. Вообще в Библии можно указать много, очень много мест, где о первоначальных событиях, описываемых в Библии, говорится, как о событиях исторических. Взгляд аллегористов опровергается и новейшими открытиями в Сирии, Палестине, Египте и вообще у народов восточных, каковые открытия показали, что и у других народов кроме евреев сохранились сказания о первобытных временах весьма сходные в некоторых пунктах с еврейскими. Они несомненно указывают на историческую первооснову событий, о которых говорят. Все это принуждает совершенно отвергнуть учение об аллегорическом характере библейской первоистории человечества.

Если теория домирного падения души не сходится с буквой библии, то она, должно еще указать, стоит в противоречии с церковным учением о конечной судьбе человечества. Теория домирного падения смотрит на материю, как на зло; смотрит на тело, как на темницу души. Но Евангелие и затем церковь учит о воскресении тел. Ненормально не то, что душа находится в теле, а то, что ненормальны отношения между душой и телом. Тело не подчиняется или плохо подчиняется душе, часто само подчиняет себе душу. Но тело должно быть орудием велений духа. Дух действует через тело, через тело он совершает доброе и злое. Если бы нормальным состоянием духа была жизнь без тела (до падения), тогда и идеальным его состоянием должна быть безтелесная жизнь. Св. Писание говорит нам, что идеальным концом для души будет блаженная жизнь в воскресшем теле; отсюда мы заключаем, что и в начале своего существования душа была создана с телом, что первично эта связь была нормальной, теперь она ненормальна, в будущем станет нормальной опять.

С теорией эволюционного происхождения человечества, хотя бы даже и в той его форме, что в какие-то животные тела были вложены человеческие души, несовместимо учение о единстве человечества, т. е. учение о человечестве. "Великая концепция общего происхождения всего рода человеческого, рассуждает г. Штернбер, созданного единым Богом, свободно павшего и потому расколовшегося и разъединившегося, но неизбежно долженствующего быть спасенным в лице всех отошедших,

настоящих и грядущих поколений для образования единого стада единого пастыря, – эта великая концепция, которая могла явиться только на высшей ступени монистического религиозного мышления, впервые создала высшую идею человечества, которая легла в основание всех идей и идеалов гуманитарных концепций всех дальнейших периодов человеческого мышления. Она была неоднократно искажаема, затемняема, претерпевала всевозможные превратности, но благодаря ей, идея человечества долженствующего стать единым братским союзом, прочно укоренилась в умах и сердцах цивилизованных людей. Замечательно, что буддизм, создавший так много идей гуманности, не возвысился до идеи человечества, не пошедши дальше термина "общины четырех стран света», соответствующего христианскому термину ("церковь», общины верующих»¹⁰¹). Не будем привязываться к словам, из которых как будто выходит, что идея человечества прочно укоренилась благодаря идее человечества, постараемся вникнуть в мысль автора. Он признает бесконечно высокое значение еврейско-христианской идеи происхождения человечества от единого корня, но он выставляет далее тезис, что эта идея могла явиться только на высшей ступени монистического религиозного мышления. Что он хочет сказать этим? Если эта идея не соответствует действительности, то она должна быть отброшена, ибо никакая мораль, никакие гуманитарные требования не должны утверждаться на фикции. Если эта идея соответствует действительности, то она изначальна. Человечество едино только в том случае, если оно произошло от одного человека – от одного мужа (ибо жена от мужа), как учит Библия. Происхождение всех человеческих рас от одного племени или вида, происшедшего эволюционным путем, как это представляет сам Дарвин, не утверждает факта единства человечества. А между тем к этой идее единства человечества апеллировал и Фейербах в своей религии человекобожества и Огюст Конт в своей религии человечества и атеистические устроители благополучия человечества на началах братства и равенства. Они берут из библии нравственный вывод, не принимая его метафизической основы. Вывод является в виде беспочвенного тезиса, и хотя провозглашается весьма громко, не находит отклика в сердцах.

Отрицая единство человеческого рода дарвинизм и – еще шире – теория эволюции, по-видимому, утверждает еще более ценную нравственную истину: единство всего животного мира. Правда, допускают и с самого начала возникновение нескольких типов, развитие которых пошло различными путями. Но человека с зоологической точки зрения

никак нельзя признать особым типом. Конечно, он – позвоночное, млекопитающее, близкое к приматам. Но какой же нравственный вывод следует отсюда? Как никак из эволюционной теории следует, что каждый из нас может быть в ближайшем родстве с гориллами Африки или с орангутангами с острова Борнео, чем с австралийскими аборигенами. Спрашивается – каковы наши нравственные обязанности по отношению к гориллам и австралийцам? Эволюционная теория не может дать ответа на этот вопрос, а если последователи ее дают, то они в своем ответе руководятся и религиозной традицией, и непосредственным сознанием выделяющим человека из всего живущего, как особый тип, представляющий собой единое нравственно-солидарное целое.

Библия и действительность говорят нам, что существует три типа жизни: жизнь телесная, жизнь душевная и жизнь духовная. Первой живут растения, первой и второй живут животные, первой и второй живет человек, но он должен еще жить, и без сомнения в некоторой мере всегда и живет, третьей (духовной).

Жизнь с физиологической стороны может быть определяема, как процесс, состоящий в том, что вещество уподобляет себе окружающую среду. Все живое питается и размножается; принимая в себя посторонние вещества, живое делает их тем, что оно есть само, в размножении все живое стремится повторять само себя. Все, с чем организм вступает во взаимоотношения, он стремится уподобить себе и, увеличиваясь в объеме и размножаясь, он стремится превращать в себя все большее и большее количество вещества; мох в самое короткое время покрыл бы весь земной шар своим унылым покровом, если бы он не встречал себе противодействия со стороны других растительных организмов. Внешние неблагоприятные условия и противодействия других организмов препятствуют стремлению каждой органической особи уподобить себе окружающее. Многие философы существенным признаком организма считают его стремление к самосохранению. Спенсер на этом начале пытается строить все здание философии. Но самосохранение предполагает собою косность и неподвижность, между тем организм непрестанно стремится расширить область своего существования, чужое сделать своим, мало этого – не себя сделать собою.

Может показаться, что данное определение жизни не подходит ко многим животным и человеку: они растут не более одной трети времени всей своей жизни и многие из них теряют способность размножения задолго до смерти. Но прекращение роста не есть еще прекращение уподобления себе окружающего, а потеря способности к размножению

есть уже признак умирания, она не является нормальностью. С физической стороны жизнь всех организмов характеризуется уподоблением организмом себе окружающего: человек ест мясо быка и превращает это мясо быка в человеческий и человеческие организмы; бык ест сено, и в лаборатории его организма сено превращается в мясо; трава, из которой образуется сено, углекислоту воздуха, соли и воду земли уподобляет себе. Но если органическая жизнь стремится сделать все подобной себе жизнью, то неорганическая природа безусловно лишена этого стремления. Этой природе действительно можно приписать стремление, – если только слово стремление идет в данном случае, – к самосохранению. Неорганический предмет никогда не изменится сам, если его не изменят внешние условия.

Таким образом есть резкий признак, проводящий демаркационную линию между неорганическим и органическим миром. Органический мир люди издавна делили на три основные типа: растения, животные и человек. Различие между растениями и животными таково: растения лишены способности ощущений, животные владеют этой способностью. Иметь способность ощущений – значит быть способным чувствовать приятное или неприятное, представлять так или иначе причины, вызывающие эти чувствования, стремиться сохранять чувствования приятные и устранять неприятные. Сила и отчетливость ощущений могут быть очень различными, и очень большими и очень малыми, но у растений их нет совсем, а у животных – у различных в весьма различной мере – они существуют. Отсюда резкое различие между растительной и животной жизнью. Кроме животной жизни на земле существует еще человеческая. Как всегда человек сознавал различие между растением и животным, так он всегда сознавал различие между животными и собой. Древние греки называли животных ἄλογα, что значит, что животные бессловесны и безразумны. Животные не владеют способностью речи, они издают звуки, выражающие чувства удовольствия и страдания, они кричат от страха и криком извещают о найденной добыче или о приближении врага; между животными есть способные говорить, каковы попугаи, скворцы, и, однако, признак бессловесия всегда и бесспорно приписывался животным. Позволительно думать, что животные не могут говорить потому, что не владеют сознательным мышлением, мышление животных бессознательно. В то время, как мы мыслим, мы можем наблюдать процессы нашего мышления. Это – мышление сознательное. Человек пользуется и сознательным и бессознательным мышлением и нетрудно путем самонаблюдения убедиться, что на долю последнего приходится

наибольшая часть человеческой жизни. Животное владеет исключительно бессознательным мышлением. Лань, преследовавшаяся собаками и прыгнувшая через пропасть, без сомнения совершила сложный процесс умозаключения, прежде чем сделать свой отчаянный прыжок. Но об этом логическом процессе лань никогда не узнает. Как сознательное, так и бессознательное мышление может приводит к ошибкам; поэтому человек приходит к истине или заблуждению двумя путями, а животное только одним. Не имея сознательного мышления, животное не может иметь и языка. В словах языка выражаются логические отношения между понятиями, но животное, владея лишь бессознательным мышлением, никогда не наблюдает таких отношений и потому не может выразить их в звуках.

Сознательным мышлением, однако, не исчерпывается то различие, существование которого между животными и собой всегда признавал человек. Говорят, что человек издавна считал себя царем природы, венцом творения, был убежден, что все сотворено его ради, и современные ученые усиленно стараются доказать, что человек ошибался, они поучают человека, что земля не представляет собой центра вселенной, что создания земли живут сами для себя, а не для человека. Но не в своей силе, не в своей свободе, не в своей царственной власти над природой человек издавна полагал свое отличие от животных и свое превосходство над животными, – нет, такое отличие он всегда полагал в сознании своей подчиненности. Никакое из созданий живущих на земле, кроме человека, не признает никаких иных законов, кроме естественных, – только духу человеческому открываются непосредственно законы духовные, подчиняться которым он считает себя обязанным. Человек сознает, что в своем поведении он должен подчиняться некоторым высшим законам, что не все равно полезное одинаково позволительно и не все действительное законно, человек отрицает то, что есть, во имя того, что должно быть. Человек имеет представление о вещах: одни из этих представлений он считает истинными, другие ложными, он полагает, что должно вторые заменять первыми и заботиться об умножении этих первых; вещи, смотря по их форме, он разделяет на красивые и безобразные и признает, что они должны воплощаться в красивой форме; наконец, действия людей он подразделяет на добрые и злые и считает обязанностью людей производить только первые. Так, менее других подчиненный власти природы, человек оказывается подчиненным присущим его душе высшим стремлениям и признаваемой им высшей власти. Всегда и везде мы видим, человек пытался вступать во взаимоотношения с высшей властью, и эти

взаимоотношения названы религией. Животные отличаются от растений с внешней стороны тем, что способны к самопроизвольному движению и издавать звуки, с внутренней тем, что имеют ощущения; человек с внешней стороны отличается от животных тем, что имеет язык, с внутренней тем, что имеет религию. Животные имеют жизнь душевную, человек имеет жизнь духовную.

Различие между неорганической природой, растениями, животными и человеком обуславливается не материей и ее структурой, а совсем иным. Органический мир стремится все захватить, все уподобить себе, этого стремления абсолютно лишен мир неорганический. Но далее: миры неорганический и растительный мы считаем неодушевленными и противопоставляем им мир животных и человека. В конце концов мы противопоставляем человека растениям и животным. Растения и животные передают своему потомству лишь то, что получили от природы. Человек передает детям то, чему научился он в течение жизни. Растения и животные только уподобляют себе окружающее, человек со своей духовной стороны сам стремится уподобиться существу совершеннейшему. Растения и животные тяготеют лишь к земле, человек хочет подняться к небу.

Пусть человек по своей телесной стороне есть животное, пусть даже он, как говорят некоторые зоологи, есть обезьяна. Это сходство по телу есть только сходство аппаратов, через которые действуют совершенно различные душевные начала. Можно животных научить издавать звуки в телефон. Мы можем услышать в телефоне собачий лай и после этого немедленно в телефоне тождественного устройства услышим человеческую речь. Из тождества аппаратов во многих случаях нельзя делать заключение к тождеству тех, кто действует через аппараты. Как и наоборот, через различные аппараты может действовать одно и то же лицо.

Но если с другой стороны тело есть аппарат, посредством которого действует дух, то с другой стороны, само тело действует на дух, оно связано с ним интимнейшим образом; оно есть единственный аппарат, посредством которого он действует. Между телом и духом должна существовать специфическая связь. А так как человеческий дух есть нечто невыводимое из животного, то естественно заключение, что при всем кажущемся сходстве тело присущее человеку должно обладать свойствами невыводимыми из телесной природы животных. Должно отрицать генетическую связь между человеком и остальным животным миром.

Этот вывод из наблюдения над действительностью подтверждается самонаблюдением или самосознанием человека. Если бы человек был

потомком животного мира, он должен бы был с безмерной гордостью смотреть на свое настоящее положение: как поднялся он интеллектуально и морально над павианами, орангами, шимпанзе и гориллами, какие идеи породил его мозг, какие произведения искусства создали его руки, какими истинами он овладел и какую правду просознал! Да, гордиться, по-видимому, есть чем. Но странное дело: уделом каждого нормального человека являются не гордость, а стыд и угрызения совести. Человек сознает, что он – не то, чем должен быть; он сознает, что он сделал далеко не все то, что мог и должен был сделать. Говорят, онтогенический процесс есть отражение или повторение филогенического. Если это так, то, по-видимому, детство человека должно заключать в себе черты гориллоподобного образа жизни его предков. Но дети выступают пред нами совсем с иными чертами: они легко усваивают горячую веру в Бога, увлекаются героическими идеями, легко поддаются власти ласки и любви. Состояние детства характеризуется, как состояние невинности; причем понятие невинности понимается не в абсолютном смысле: признается факт усвоения детьми наследственной нравственной порчи. Но и при внесении ограничения в понятия невинности, виновности, добродетели и порока окажется, что сравнительно нормальный путь жизни человека складывается из таких трех стадий: невинность = добродетель без разума, виновность = разум без добродетели, раскаяние или искупление = добродетель и разум. Мы снова встречаемся здесь с тезисом, антитезисом и синтезисом Гегеля. И на самом деле сначала довольствование немногим (в детстве), затем стремление захватить себе как можно больше земных благ и как можно легчайшими способами; в конце концов, сознание суетности этих благ и нечестности средств, употребленных для их приобретения.

Так, действительность и самонаблюдение комментируют нам библейское повествование о творении и падении человека и объясняют нам нашу жажду искупления. Эволюционная теория не объясняет действительности и стоит в противоречии с требованиями нравственного сознания. Она не успокаивает ума и не дает руководства для совести. Но за всем тем естественно она имеет и будет иметь много приверженцев. В этом отношении судьба ее тождественна с судьбой родственного ей материализма. Она проста, для усвоения ее не требуется ни сильного напряжения ума, ни больших познаний. Ее легко поймет 12–13 летний школьник. Но многие люди на самом деле не хотят расти после этого возраста. Люди христианского образа мыслей не последуют за ними ни в их фактической косности, ни в их теоретической вере в безцельную

эволюцию. Наблюдение и самонаблюдение побуждают отвергать теорию, оправдывающую низменные инстинкты, как животное наследство, и обезценивающую нравственные подвиги, признаваемые ею неизбежным продуктом эволюции. Человечество в той его части, которая характеризуется высоко развитым нравственным сознанием, всегда будет винить себя за прошлое (падение) и надеяться на будущее (усвоение искупительного дела Христова).

С.Глаголев

Примечания

¹ - Revue pratique d' Apologétique 1907. Т. IV. №37

² - Обзорение находок в области палеонтологической антропологии имеется у Hoernes'a-Natur-und Urgeschichte des Menschen. Erster Band. 1909. Обзорение новейших исследований палеонтологических человеческих останков дано в последней книге Revue des Questions scientifiques за 1910 г. Заметка о новоселском черепе неандертальского типа имеется в Natur und Offenbarung 1909, №4.

³ - Vacandard-Le nouvel homme préhistorique de Menton (Rev. Quest. scientif. Т. 20).

⁴ - На Руси в ряду ученых было мало антидарвинистов. Кроме Данилевского должно указать еще на проф. А. А. Тихомирова. Сжато свое отрицательное отношение к дарвинизму, признавая за ним и положительное значение, он изложил в брошюре «Судьба дарвинизма. 1907»

⁵ - Метагенезис состоит в том, что от полового поколения организмов происходит поколение, размножающееся бесполом путем, а от этого поколения происходит половое, тождественное с первым.

⁶ - Гетерогония обозначает происхождение от одного поколения организмов другого на него похожего, потомство которого представляет возврат к 1-му поколению.

⁷ - Педогенезисом называется способность полового организма размножаться бесполом путем уже в личиночном (детском) состоянии.

⁸ - Свою теорию Hugo de Vries изложил в обширном произведении – Die Mutationstheorie. Erster Band. 1901. Zweiter Band. 1903. После этого он не переставал развивать свои воззрения в различных статьях. См. С. Глаголева – Ботаника и Дарвинизм (Вера и Разум, 1907, №1)

⁹ - См. С. Глаголева – Очерки по истории религий. Ч. II, особенно стр.57–58 и 211–212.

¹⁰ - Штенбер Л. – человечество (Брокгауз и Ефрон, Энциклопед. Словарь. Полутом 76, стр. 486–488).

Содержание

О происхождении человека: (разбор теории Васманна) профессор Сергей Сергеевич Глаголев	1
Введение. Взгляд Васманна на происхождение человека	2
1. Постановка вопроса о происхождении человека, по Васманну.	4
2. Критика Васманном естественно-научных оснований эволюционного происхождения человека	10
3. Богословские соображения Лабоша о первочеловечестве	21
4. Теории происхождения человека, посредствующие между Библией и дарвинизмом.	26
5. Палеонтологические открытия, приводимые в доказательство десцендентного происхождения человека.	35
6. Настоящее положение вопроса о происхождении видов.	49
7. Вопрос о побочных основаниях десцендентной теории	63
8. Религиозная сторона вопроса о происхождении человека	72
Примечания	90